

Ares Saint-Clair

18+

Goodbye, light

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ares Saint-Clair

Goodbye, light

«АВТОР»

2026

Saint-Clair A.

Goodbye, light / A. Saint-Clair — «Автор», 2026

В каждом из нас живёт хаос, у которого есть имя. В этом романе их два: Арес — приговор к вечной борьбе, аннигиляция чувств под маской холодной решимости; его сердце — неприступная крепость, но даже она даст трещину. Арабелла — сложный узор, пленница лабиринта собственных жертв и чужих ожиданий, оголённый нерв, вибрирующий от внешнего мира. Я написал эту книгу, чтобы исследовать неизбежность: рано или поздно их тропы сошлись в пространстве, где прошлое имеет разрушительную власть, а будущее пугает неизвестностью. Там вспыхивает не просто романтика, а болезненное узнавание: «Я вижу твою тьму, потому что она живёт и во мне». История соткана из внутренних монологов, конфликтов, где правда режет глаза и эмоциональных качелей. Это путь сквозь страдание к принятию себя в глазах другого. Исповедь двух израненных душ, переплетённых в единый клубок любви, — добро пожаловать.

© Saint-Clair A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Я не поеду	5
Глава 2. Прямо в лоб	24
Глава 3. Просто фамилия	38
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ares Saint-Clair

Goodbye, light

Глава 1. Я не поеду

Нью-Йорк.

Честно? Этот город не встречает. Он тебя переваривает. С урчанием, с присвистом, втягивает сквозь турникеты метро, словно сквозь зубы и выплевывает уже на раскаленный тротуар, перемешанным, перемолотым с миллионами других. Пахнет он, знаете ли, не только мочой и жареным луком из тележки у входа в парк. Хотя, признаться честно, этого добра хватает с лихвой... Он пахнет чем-то электрическим. Смесью разогретого асфальта, мокрой пыли после короткого слепого дождя и озона, что шипит на контактах подземки. Звучит же он как разошедшийся деревянный пол в квартире без мебели. Гулко. Каждый шаг, каждый сигнал такси, каждый обрывок чьей-то тирады в телефон: «И я ему говорю: нет, ты послушай» складываются в бесконечную, ни на секунду не замолкающую какофонию. Этот шум, он ведь липнет к коже.

Влажность здесь особая. Не та банная духота, что топит легкие, а липкая, соленая испарина, которая выстилает подкладку рубашки к полудню. Воздух тяжелый, густой, его будто можно жевать. Через эту взвесь свет пробивается полосами – резкими, словно порезанными бритвой, когда солнце падает в узкие ущелья авеню, и мягкими, рассеянными, в переулках, где тени от пожарных лестниц рисуют на кирпиче рваные аккорды. Он слепит. Бьет зеркальными бликами из окон небоскребов, заставляя щуриться до рези в глазах, отражается в лужах, которые еще час назад были обычной водой из шланга, а теперь – жидкое серебро на потрескавшемся асфальте.

Прислушайтесь. Нет, к какофонии мы уже привыкли. Я о другом звуке – низком, утробном гудении, которое не смолкает никогда, даже в три часа ночи. Это гул кондиционеров, трансформаторов, миллионов сердец и процессоров, бьющихся за стальными стенами этих муравейников. Стекланные коробки вырастают из земли, как гигантские слюдяные кристаллы, упираясь в брюхо облаков. Они давят на сетчатку своей геометрией, лишая ощущения верха и низа. Бетонные плиты, помнящие тысячи шагов, стерты до безразличия. Кирпич старых домов – красный, бурый, местами черный от копоти, оставшейся здесь, кажется, еще со времен Великой депрессии.

Знаете это чувство, когда смотришь на панораму с одного из мостов? Ветер там всегда сумасшедший, рвет волосы и закладывает уши, а на губах оседает металлический привкус выхлопных газов. Видишь это нагромождение шпилей, резервуаров с водой, парапетов и спутниковых тарелок. Красиво, спору нет. Открыточный глянец. Но внутри всего этого бетонно-стеклянного лабиринта, в его жилах, в его капиллярах-улицах, кипит совсем другая жизнь. Там нет панорам. Там есть только ритм. Судорожный, сбивчивый, иногда торжествующий, но чаще загнанный.

И знаете, что самое смешное? Все это великолепие, весь этот многомиллионный улей, эти тонны стали и осыпающейся штукатурки, эта симфония клаксонов и грохот метро, сотрясающий пятки – это все лишь декорация. Все эти небоскребы, царапающие небо – просто коробки. Огромные, тесные коробки из стекла, бетона и облупленного кирпича, набитые людьми.

Но эта история не о городе.

Она об одном конкретном парнишке, который прямо сейчас сидит внутри одной из этих коробок, затерянный в муравейнике из восьми миллионов душ. Обычный такой парень. Вроде бы такой же, как все. Но это только видимость. Для нашей истории он важен. Очень важен.

Этого парнишку звали Арес Дрейк. И утро субботы для него началось, честно говоря, не с кофе. С запаха денег.

Не спешите морщить нос. Это не метафора. В их пентхаусе, парящем над Верхним Ист-Сайдом, воздух всегда имел особый, стерильный привкус, словно его пропускали через двойной угольный фильтр, а потом слегка ароматизировали чем-то цитрусовым. Пахло свежестью, полиролью для палисандрового паркета и едва уловимым дымком из дорожной свечи от Diptyque, которую домработница Марта зажгла в холле ровно в 6:45, вне зависимости от того, спал кто-то дома или нет. Таков был ритуал.

Солнце в спальню Ареса просачивалось лениво, процеженное сквозь автоматические жалюзи цвета слоновой кости, рисуя на стене, оклеенной фактурными бежевыми панелями, невесомую полосатую решетку. Окно от пола до потолка выходило прямо на кроны Центрального парка – гигантский, ухоженный изумрудный ковер, прошитый серебряной лентой водохранилища. Вид, за который люди убивают. Вид, от которого у гостей перехватывало дыхание и они начинали бормотать дежурные фразы о «невероятной удаче». Арес лежал на спине, закинув руку за голову, и смотрел на это великолепие без малейшего трепета. Ему было шестнадцать, и для него этот парк был просто большим задним двором, к которому нужно спуститься на скоростном лифте с персональным ключом.

Он зевнул, широко, до хруста в челюсти, и пошевелил пальцами ног под прохладной простыней из египетского хлопка. Где-то вдалеке, за панорамными стеклами, уже закипал привычный субботний гул: сирены «скорой», выворачивающие душу наизнанку, басовитое жужжание газонокосилок в парке и тот самый, уникальный нью-йоркский аккорд – смесь чьих-то далеких криков, музыки из проезжающего кабриолета и непрерывного «уош-уош-уош» от колес на вымытом асфальте. Но сюда, на тридцать седьмой этаж, звуки долетали уже приглушенными, почти застенчивыми, будто город сам понимал, что таким, как Дрейки, лучше не мешать.

— Арес, дорогой, Марта оставила тебе шакшуку. Или, может, сделаешь, как обычно, свой протеиновый коктейль с этой гадостью? – голос Элеоноры пробился сквозь приоткрытую дверь мягко, почти виновато. Она всегда так говорила – вопросительно, словно спрашивала разрешения войти в его жизнь. В свои сорок пять Элеонора Дрейк (в девичестве Грей) выглядела так, будто время для нее было не стрелой, а бумерангом: оно улетало, но всякий раз возвращалось, оставляя ее нетронутой, разве что добавив пару лучиков у глаз, которые она носила как ордена. Сегодня она уже была одета в белоснежный кашемировый джемпер и узкие черные брюки, хотя на часах едва перевалило за девять.

— Шакшука, мам. Я через десять минут, – отозвался Арес хриловатым со сна голосом, не оборачиваясь.

Он слышал, как тихо закрылась дверь и он оказался в минутной тишине. Относительной, конечно же, ведь в доме Дрейков никогда не было тихо. Здесь всегда что-то гудело, дышало, шелкало: климат-контроль, встроенная в стены акустика, холодильник размером с небольшую машину. Сама эта квартира была произведением искусства – бетон, стекло и отполированный металл, разбавленные произведениями из коллекции отца. Вон та здоровая клякса оранжевого и черного в гостиной, например, это ранний Поллок, если верить пояснениям Джулиана. А ту мятую консервную банку, приклеенную к холсту, Арес в детстве пытался отковырять, за что получил самую суровую лекцию о современном искусстве в своей жизни. Тогда он и понял: искусство в их семье – вещь неприкасаемая.

Буквально.

Арес откинул одеяло и сел на край постели, уперев босые ступни в прохладный паркет. Он провел ладонью по коротко стриженному затылку. Тело приятно ныло, мышцы плеч и икр напоминали о вчерашних шести сетах на выносливость. Баскетбол. Именно из-за этого слова отец снова не разговаривал с ним последние два дня. Ну и плевать. В конце концов, Джулиан

Дрейк не разговаривал с очень многими людьми и считал это не банальной обидой, а высоким искусством управления репутацией.

Шлепая босыми ногами в сторону ванной комнаты, Арес прошел мимо огромного, во всю стену, зеркала в раме из вороненой стали. Он мельком глянул на свое отражение. Высокий, уже метр восемьдесят пять, жилистый, с резкими скулами, которые достались ему от матери, и тяжелым, упрямым подбородком – несомненно, отцовским наследством. Серо-голубые глаза смотрели исподлобья даже тогда, когда он не хмурился. Привычка. Маска. В школе Святого Марка, где учатся отпрыски таких же, как Джулиан, эта маска сидела на нем идеально.

Вода в душевой ударила тугими, мощными струями, смывая остатки сна. Можно было стоять так вечно, под этим почти тропическим ливнем, глядя, как за матовым стеклом расплываются контуры дорогого хрома и мрамора. Но времени не было. По субботам у него имелся свой ритуал и он требовал скорости.

Вытеревшись огромным полотенцем, больше похожим на пляжное, Арес натянул спортивные шорты, майку с эмблемой «Никс» и взял с полки старый, выдавший виды напульсник с выцветшей надписью «Rucker Park». Вещь, которая стоила, наверное, долларов пять на барахолке, но для него была ценнее всего этого баухауса вокруг. Это был его талисман. Его маленький вызов всей этой башне из слоновой кости.

На кухне, больше напоминавшей хирургическую операционную из стекла и нержавеющей стали, Элеонора уже сидела с чашкой эспрессо, листая что-то в планшете. Увидев сына, она улыбнулась той улыбкой, которая всегда говорила: «Я на твоей стороне, что бы ни случилось».

— Ты опять в этих своих обносках, – заметила она без капли осуждения, просто констатируя факт. – Отец будет в ярости, если увидит тебя в этом за завтраком.

— Значит, он меня не увидит, – Арес взял со стола спелое яблоко, с хрустом откусил и, не переставая жевать, чмокнул мать в щеку. – Потому что через пять минут меня здесь не будет. Я на площадку.

Элеонора чуть заметно вздохнула, но промолчала. Она всегда умела балансировать на этой тонкой грани между поддержкой мужа и безоговорочной любовью к сыну. Именно она полтора года назад, видя, как Арес сникает под гнетом вечных вернисажей, скульптур и высококолобых разговоров, взяла его за руку и отвела в спортивный центр при Колумбийском университете, просто чтобы «попробовать что-то новое». Кто же знал, что в этом парне, воспитанном на лекциях о кубизме и постмодернизме, дремлет чистый звериный талант к игре в оранжевый мяч? Кто знал, что это станет единственным, из-за чего он впервые в жизни посмеет перечить отцу?

Главное слово здесь – «посмеет».

— Только недолго, хорошо? – тихо попросила она, когда он уже направился к лифту. – У нас обед в час, не забывай.

— Не забуду, мам, – бросил Арес, и створки бесшумного лифта отрезали его от ее последующего вдоха.

Кабина понеслась вниз, мягко, но с легким щекочущим желудок ускорением. Арес прислонился спиной к зеркальной стене и закрыл глаза. Тридцать семь этажей вниз. Это примерно секунд двадцать. Двадцать секунд полной тишины перед тем, как он вынырнет из этого мраморного рая в настоящий, живой, потный и орущий Нью-Йорк. В его Нью-Йорк, где пахнет не свечами за полторы сотни баксов, а разогретым асфальтом и уличной едой, где шум не приглушен двойными стеклопакетами, а бьет по ушам наотмашь, словно вызов. И где его ждали. Не оценки за экзамены, не одобрение отцовских партнеров, а простые, честные слова: «Йоу, Дрейк, давай уже, мы тебя ждали».

Лифт мягко кашлянул, зажигая на панели букву «L». Лобби.

Створки разъехались с тихим, уважительным шелестом и Арес шагнул в пространство с высокими потолками.

Вот уж где царство холодного мрамора и тишины, нарушаемой лишь стуком дорогих каблучков да приглушенным звоном ключей от «Бентли», которые кто-то небрежно бросил на стойку консьержа. Сам консьерж –вышколенный мужчина лет пятидесяти с лицом отставного генерала, которого звали то ли Джордж, то ли Джеральд, Арес вечно путал. Он приветственно кивнул, не отрывая взгляда от какого-то журнала регистрации. Его накрахмаленный воротничок впивался в шею и Арес машинально потер свою, ощутив фантомный зуд. Здесь, внизу, пахло иначе: смесью полироли для латунных ручек, чьих-то духов с нотой пачули, оставшихся висеть в воздухе шлейфом, и едва уловимым запахом хлорки, которым несло от цветочной композиции в гигантской напольной вазе. Искусственные орхидеи. Белые, восковые, безупречные. Их «поливали» раз в неделю из баллончика со сжатым воздухом, сдувая пыль. Арес никогда не мог понять, зачем ставить цветы, которые даже не пахнут, но в этом доме его мнением насчет дизайна не интересовались.

Он толкнул тяжелую стеклянную дверь и вышел на Парк-авеню.

И тут же получил пощечину. Нет, не от человека. От города. Жара, которую не могли смягчить никакие кондиционеры внутри, сомкнулась вокруг него плотным, влажным коконом. Она пахла разогретым металлом водосточных труб и прелыми листьями, которые еще не успели убрать из-под живой изгороди. Солнце било в глаза резко, заставляя зажмуриться и выругаться сквозь зубы. Асфальт под кроссовками был мягким, почти податливым, как старый линолеум. Где-то справа, на углу, уже разворачивал свою тележку продавец хот-догов. Сизый дым от кипящей воды с сосисками поднимался вверх, смешиваясь с выхлопными газами проезжающего мимо такси. У того был спущенный скат и оно издавало ритмичный звук, который почему-то идеально ложился на басовитую долбежку, доносящуюся из открытых окон закрытого на ремонт модного бутика.

Арес вдохнул. Глубоко, полной грудью. Этот воздух царапал легкие. Он был грубым, нефiltroванным, настоящим. Не то что та стерильная вата, которой он дышал там, наверху. Поправив лямку рюкзака, в котором сиротливо болтались бутылка воды, полотенце и мяч – старый, потертый Spalding, с которым он не расставался. Он свернул на 86-ю и двинулся в сторону метро. Можно было вызвать Uber, конечно. Даже не Uber Black, а какой-нибудь вертолет, если бы совсем прижало. Но Аресу нравился сабвей. Нравился этот переход: резкий, почти шизофренический. Из мира, где чаевые оставляют сотенными купюрами, в мир, где люди толкаются плечами, зажав в одной руке стаканчик кофе из «Данкин Донатс», а в другой держат смартфон с треснутым экраном.

Спуск в подземку встретил его своей собственной, ни с чем не сравнимой симфонией. Где-то в глубине туннеля, еще невидимый, завывал поезд и этот вой отражался от кафельных стен, многократно усиливаясь, превращаясь в механический рев разбуженного дракона. Платформа пахла сыростью, резиной и чьим-то слишком сладким парфюмом, дешевым, приторным, который смешивался с вонью застарелого пота от бездомного, спящего на лавке, скрутившись калачиком в грязном спальном мешке. Рядом с ним, не обращая внимания, двое парней в деловых костюмах о чем-то яростно спорили о работе, размахивая руками, а у самого края платформы девушка с розовыми волосами и в наушниках самозабвенно подпевала Билли Айлиш, фальшивя так, что уши сворачивались в трубочку.

Арес стоял, засунув руки в карманы шорт и рассматривал эту сцену со спокойным, чуть отстраненным любопытством, с каким орнитолог наблюдает за редким видом птиц. Поезд, взвизгнув тормозами так, что заложило уши, подкатил к платформе и распахнул двери. Из вагона пахло прохладой кондиционера и запахом мокрой собаки, хотя никакой собаки там, конечно, не было.

Он вошел и схватился за поручень, глядя, как за окном, в темноте туннеля, проносятся огни сигнальных ламп.

Эта поездка занимала минут двадцать. Двадцать минут от мира, где его фамилия что-то значила, туда, где она была пустым звуком. Где никто не знал, что такое «Drake Contemporary» и сколько нулей в ценнике какого-то абстрактного художника, которого он чуть не раскурочил в шесть лет. Там, на площадке в Гарлеме, имело значение только одно: как ты двигаешься, как ты видишь корт, как ты читаешь игру. Можешь ли ты забить с сопротивлением. Можешь ли ты отдать пас. И если да Тебя примут, даже если ты белый парнишка с Верхнего Ист-Сайда, который говорит слишком правильно и не носит джорданы последней модели.

Поезд дернулся, останавливаясь. Арес вышел, поднялся по замусоренным ступеням, мимо облупленных стен, разрисованных причудливыми граффити и оказался на 125-й улице. Тут воздух был другим. Он был гуще, слаще от запаха жареных плантанов, которые продавали прямо у входа в метро, от хохота компании подростков на углу, от цоканья копыт (ну да, здесь еще водили лошадей, запряженных в повозки для туристов и это всегда смотрелось диковато). Здесь кипела жизнь, грубая, шумная, непричесанная и Арес впитывал ее каждой клеточкой.

Он прошел мимо старой парикмахерской, из открытой двери которой пахло кокосовым маслом и жженым волосом. Мимо магазинчика, где продавали африканские ткани – такие яркие, что резало глаза. Его шаг ускорился сам собой. Еще пара кварталов и он увидел ее. Знакомую ограду из сетки-рабицы, за которой слышался ритмичный, как сердцебиение, стук оранжевого мяча об асфальт.

Мяч ударился о покрытие с глухим, тугим «бам» и отскочил. Кроссовки взвизгнули по бетону. Кто-то, уже разогретый, мокрый, тяжело дышал.

Арес вошел в калитку и улыбнулся. По-настоящему. Так, как не улыбался ни на одном из бесконечных отцовских вернисажей. Потому что вот оно. Его место.

— Дрейк! – крикнул кто-то с площадки хриплым, ломающимся баском. – Ну ты где там шлялся? Мы уже думали, что ты забыл, как мяч выглядит!

Арес скинул рюкзак на скамейку, вытащил свой старый, потертый Spalding и несколько раз ударил им о землю, проверяя накачку. Слабовата, но сойдет. Его ладони привычно обхватили шершавую, чуть липкую поверхность и он почувствовал, как напряжение в плечах, накопившееся за неделю, начинает потихоньку уходить, растворяться в этом жаре, в этом шуме, в этом запахе.

— Закрой рот, Тай, – бросил он беззлобно, выходя на площадку, – И покажи лучше, чему ты там научился, пока меня не было.

Парень, которого он назвал Таем – здоровенный, на полголовы выше Ареса, с кожей цвета темного шоколада и широченной ухмылкой, хлопнул в ладоши, требуя мяч. Его звали Тайрон Уильямс, ему было семнадцать и он был лучшим разыгрывающим, которого Арес когда-либо видел за пределами НБА. Без преувеличения. Без дураков.

— Ну смотри, чел, – Тайрон начал вести мяч и тот словно приклеился к его руке, порхая от асфальта к ладони и обратно, – Я тут кое-что подсмотрел у Кайри. Если ты не выкупишь этот финт, я за себя не ручаюсь.

— Ты у Кайри уже полжизни подсматриваешь, – Усмехнулся Арес, сбрасывая майку. – Удиви меня.

И они начали. Сначала разминочный обмен пасами: резкими, хлесткими, от которых горели ладони. Потом работа над дриблингом, когда мяч метался между ними двумя, словно заведенный, а ноги двигались в каком-то диком, хищном ритме, кроссовки скрежетали по покрытию, оставляя черные полосы. Арес чувствовал, как пот заливает глаза, как соль щиплет губы, как сердце, разогнавшись до предела, гулко бухает где-то в горле.

Никаких тебе «Арес, дорогой, будь аккуратнее». Никаких «Мистер Дрейк, ваш отец хотел бы видеть вас на ужине». В этой простоте было что-то кристально честное. То, чего ему так отчаянно не хватало в мире, где картины стоили дороже, чем дома, в которых они висели.

— Слушай, Дрейк, – Тайрон вдруг остановился, уперев руки в бока и тяжело дыша, капли пота срывались с его подбородка и падали на раскаленный асфальт, мгновенно испаряясь, – А че твой старик опять воду мутит? Я в новостях видос видел, там открытие какой-то галереи в Челси, он стоял с таким лицом, будто лимон целиком сожрал. И ты на него похож, когда злишься, кстати. Точно такое же лицо.

Арес промолчал, но его челюсти сжались. Тайрон попал в точку. Сам того не зная, он задел ту самую тонкую, натянутую до предела струну, которая звенела у Ареса внутри вот уже несколько недель. Открытие той галереи. Новый «гениальный» протез отца Какой-то тощий немец, который мажет холст собственной кровью и называет это «пост-ироничным дискурсом телесности». И вечер, когда отец в очередной раз процедил сквозь зубы за ужином: «Я надеюсь, Арес, ты достаточно наигрался в свои игры и теперь сосредоточишься на том, что действительно имеет значение. Искусство Это единственный способ остаться в истории. Все эти твои прыжки и броски – пыль. Забава для плебеев».

Плебеев.

Он сказал это именно так. Брезгливо, скривив губы, за которыми прятались идеально ровные, фарфорово-белые виниры. И Элеонора тогда опустила глаза в тарелку, не проронив ни слова. Потому что в их доме, при всей его роскоши, последнее слово всегда оставалось за Джулианом. Всегда. И никто Ни жена, ни партнеры по бизнесу, ни весь этот арт-мир, который он держал за горло, не смел ему перечить.

Никто. Кроме Ареса.

— Эй, земля вызывает Дрейка! – Тайрон щелкнул пальцами у него перед носом. – Ты уснул, что ли?

— В порядке я, – Арес вытер пот со лба, и его глаза сверкнули. – Просто вспомнил, что забыл сказать отцу пару ласковых за завтраком.

— Ну, это дело поправимое, – хмыкнул Тайрон, не вдаваясь в подробности. – Давай, еще один сет. И на этот раз я сделаю тебя так, что ты будешь умолять меня не выкладывать это в сториз.

— Размечтался, – Арес хищно улыбнулся и встал в защитную стойку, согнув колени и расставив руки в стороны. Мышцы гудели, легкие жгло огнем, но он готов был играть еще час, два, вечность. Потому что именно здесь он был собой. Не сыном Джулиана Дрейка. Не наследником империи, построенной на холсте и крови. А просто Аресом. Звук, с которым мяч прорезает сетку, был для него лучшей музыкой. Лучше Баха, лучше джаза, лучше тех заунывных скрипок, что вечно играли на фуршетах отца. Этот звук был чистым, как выдох, как удар сердца.

Тайрон сделал обманное движение, уходя влево и Арес повёлся, потерял долю секунды, и этого хватило. Мяч уже летел в корзину, чтобы, ударившись о щит и два раза подпрыгнув на кольцо, все же провалиться в сетку. Уильямс издал победный вопль, больше похожий на боевой клич какого-то древнего племени.

— Видал?! Видал, я тебя спрашиваю, белый мальчик с Парк-авеню?! — заорал он, приплясывая. – Я легенда, детка! Скажи это! Скажи, что я легенда!

— Скажу, если забьешь еще два таких же, – парировал Арес, вытирая лицо краем майки, которую подобрал с асфальта.

Его глаза горели, на губах играла упрямая, чуть высокомерная ухмылка, которую так ненавидел отец. Эта ухмылка говорила: «Я не сдамся. Ни-ког-да. Ни за что. Даже если весь мир считает, что я должен заниматься чем-то другим». И в этом, наверное, и была вся суть. Весь его бунт. Не в проколотом ухе и крашенных волосах, а вот в этой простой, животной, безрассудной любви к игре. К запаху резины. К шершавой, как наждачная бумага, поверхности мяча.

Где-то вдалеке, за кронами чахлах городских деревьев, за шпилями небоскребов, которые отсюда казались просто частью пейзажа, его ждал отец. Ждал обед в час, на котором Арес

обещал матери быть и на котором он снова будет сидеть с каменным лицом, слушая очередную тираду о своем «недостойном поведении».

Но это все потом.

А сейчас...

Сейчас была только игра. Мяч снова взлетел в воздух, рисуя в ослепительно-голубом небе идеальную параболу, и двое парней, забыв обо всем, бросились к кольцу, толкаясь плечами, тяжело дыша и смеясь. Арес прыгнул, вытянувшись в струну, кончиками пальцев подправил мяч, отправляя его точно в цель и приземлился, чуть не подвернув ногу, но устояв. Сердце колотилось как сумасшедшее, готовое выскочить из груди. Он поднял глаза к небу, жмурясь от яркого света.

— Один – один, Дрейк! – крикнул Тайрон, хватая мяч. – До трех, проигравший бежит штрафной круг и покупает поесть!

— Готовь кошелек, – бросил Арес, и в этот момент его телефон, забытый в рюкзаке на скамейке, завибрировал, высвечивая на экране короткое, но грозное: «Джулиан Дрейк». Но он этого не видел. Он видел только мяч. И кольцо. И Тайрона, который уже шел в очередной, еще более наглый проход.

А телефон вибрировал, раз, другой, третий, надрываясь в тишине рюкзака, словно рассерженный шмель в стеклянной банке. Четыре звонка подряд, а потом тишина. Такая тишина, от которой у любого, кто знал Джулиана Дрейка, волосы на загривке вставали дыбом.

Но Арес этого не слышал.

Он слышал только скрежет собственных кроссовок по асфальту, свист рассекаемого воздуха и тяжелое, рваное дыхание. Мяч метался между ними, словно живое существо, уворачиваясь, подпрыгивая, отскакивая от ладоней. Счет сравнялся. Два-два. Решающий бросок. Арес прищурился. Он читал игру. Видел, как Тайрон чуть сместил вес на правую ногу. Видел, как дрогнули мышцы на его предплечье, готовясь к пасу. И когда Тайрон рванул, Арес уже был там. Перехват. Мяч впечатался в ладонь с глухим, почти звериным шлепком. Одно движение и он уже летел к кольцу, отталкиваясь от асфальта так, словно тот был батут. Прыжок. Зависание. Идеальное, почти нечеловеческое по своей легкости мгновение, когда гравитация, кажется, забыла о его существовании. А потом раздался звук. Чистый, звонкий звук прохождения мяча сквозь сетку.

— Три-два! – выдохнул Арес, приземляясь и тяжело опираясь ладонями о колени. Легкие горели, сердце колотилось где-то в висках, отсчитывая сумасшедший ритм.

Тайрон замер на месте, тяжело дыша и уперев руки в бока. Его широкая, белозубая ухмылка никуда не делась, но в глазах мелькнуло что-то вроде уважительной досады. Ну еще бы. Проигрывать он ненавидел почти так же сильно, как Джулиан Дрейк ненавидел баскетбол. Почти.

— Ладно, ладно, – пропыхтел Тайрон, мотая головой, с его дредов слетели капли пота. – Твой выход, Дрейк. Но имей в виду! Я хочу нормальной еды. Никаких твоих салатиков для богатеньких мальчиков. Я говорю про курицу. Жареную. С острым соусом. И картошку. Много картошки.

Арес усмехнулся, выпрямляясь и растирая затекшую шею.

— Заметано. Дай только воды глотну и пойдем. Я тут знаю одно место за углом, где готовят так, что твоя бабушка бы расплакалась от счастья.

— О, ты мою бабулю не трогай, – Тайрон погрозил ему пальцем, но глаза его смеялись. – Она про твою курицу скажет, что это мусор и будет права. Но я сегодня согласен даже на мусор. Жрать охота! Умираю.

Арес развернулся и направился к скамейке, где сиротливо валялся его рюкзак. Мышцы ног приятно ныли, в ушах все еще шумело от прилива крови, а во рту стоял металлический

привкус усталости. Хорошей усталости. Правильной. Той, после которой спится без снов и просыпаешься с ощущением, что ты на что-то способен.

Он наклонился, растянул молнию и вытащил бутылку воды. Та была уже теплой и пластик неприятно прогибался под пальцами. Но Арес все равно сделал несколько больших, жадных глотков, чувствуя, как вода течет по подбородку, капает на голую грудь. А потом он бросил взгляд на телефон. Просто бросил. Случайно. И замер.

Четыре пропущенных. Три от «Джулиан Дрейк». Один от «Мама».

Арес застыл с бутылкой в руке, глядя на экран. Где-то на задворках сознания, еще не оформленная в слова, уже зашевелилась тревога. Отец никогда не звонил первым. Никогда. Для этого существовала Элеонора, существовала секретарша, существовали ассистенты и чертовы голуби, если угодно. Но Джулиан Дрейк лично набирал номер сына только в тех случаях, когда происходило что-то из ряда вон. Что-то очень плохое. Или очень важное. Что в его понимании было одним и тем же.

— Эй, Дрейк, ты там уснул? – донеслось с площадки. Тайрон уже натягивал свою майку, поглядывая в его сторону. – Я курицу хочу!

— Секунду, – отозвался Арес. Голос прозвучал глухо, механически. Он не сводил глаз с экрана. Большой палец завис над кнопкой вызова. Что-то внутри сжалось в тугую, холодный комок. Это было чувство, которое он испытывал каждый раз, когда отец входил в комнату, когда его шаги раздавались в коридоре: тяжелые, размеренные, не терпящие возражений. Чувство, что ты снова в чем-то виноват, еще даже не зная, в чем именно.

Он нажал вызов. Гудок. Второй. Тишина. А потом Голос. Голос, который он ожидал услышать меньше всего.

— Арес. – Джулиан говорил ровно, без эмоций, как всегда. Но в этой ровности сквозило что-то такое, от чего Аресу вдруг стало холодно. – Ты помнишь, что у нас обед в час?

— Помню, – ответил Арес. Пауза. Длинная, вязкая, как патока.

— Замечательно. – Еще одна пауза. – Тогда, может быть, ты объяснишь мне, почему я звоню тебе уже четвертый раз, а ты не берешь трубку? И почему, когда я позвонил в службу безопасности здания, мне сказали, что ты ушел в девять утра?

Арес закрыл глаза. Вот оно. Все как обычно. Служба безопасности. Контроль. Каждое движение, каждый вздох, каждая минута его времени должны были быть учтены, зафиксированы и одобрены. Как музейный экспонат. Как одна из тех чертовых картин, которые нельзя трогать руками.

— Я на тренировке, – сказал он. – В Гарлеме. Как обычно по субботам. Я тебе говорил.

— Ты мне говорил, – голос Джулиана не изменился ни на полтона, но именно это и было самым страшным. – А я тебе говорил, что эти твои игры не должны мешать семейным обязательствам. Обед перенесен на двенадцать.

— Что?! – Арес дернулся, словно от удара током. – Но ты не говорил!..

— Говорил, – перебил его отец. – В среду. За ужином. Но ты, очевидно, был слишком занят своими мыслями, чтобы слушать. Или, может быть, своими играми.

В среду. Арес попытался вспомнить. Среда. Ужин. Точно, был ужин. Отец что-то говорил про обед и о том, что приезжают какие-то важные гости из Лондона, что нужно быть дома раньше на всякий случай. А он сидел и думал о предстоящем матче школьной лиги. И пропустил. Все пропустил. Черт. Черт, черт, черт.

— Сейчас ровно одиннадцать, – продолжал Джулиан и в его голосе наконец прорезалась знакомая до зубного скрежета нота ледяного, безжалостного превосходства. – У тебя есть час. Приведи себя в порядок и будь дома ровно в полдень. Я надеюсь, ты не заставишь меня ждать. Иначе разговор будет совсем другим.

Короткие гудки. Даже не попрощался. Впрочем, как всегда.

Арес опустил руку с телефоном и несколько секунд просто стоял, глядя в никуда. Час. У него есть час, чтобы добраться с Гарлема до Верхнего Ист-Сайда, принять душ, переодеться и явиться пред светлые очи отца. А если он опоздает Он знал, что будет. Не физически, конечно. Джулиан никогда не поднимал на него руку, даже в детстве. Но он умел бить словами. Холодно, точно, расчетливо. Так, что синяки оставались не на теле, а где-то гораздо глубже.

— Дрейк, ну ты чего там застыл? – Тайрон подошел ближе, уже полностью одетый, с рюкзаком на плече. Его голос звучал обеспокоенно. – Что-то случилось?

Арес моргнул, прогоняя оцепенение. Посмотрел на Тая и почувствовал острую, почти физическую горечь. Сейчас бы пойти с ним, взять эту чертову курицу, сидеть на скамейке, жевать, смеяться, обсуждать финты и спорить, кто круче – Леброн или Джордан. Быть нормальным. Быть собой. Но нет. Вместо этого его ждал обед с гостями из Лондона, натянутая улыбка, безупречные манеры и ощущение, что ты марионетка в театре, где спектакль ставит Джулиан Дрейк.

— Слушай, Тай – он замялся, ненавидя себя за то, что должен сказать. – Я не могу. Семейные дела. Обед. Важные гости. Отец звонил. Надо быть дома через час.

Тайрон посмотрел на него долгим, изучающим взглядом. Он знал. Знал про отца, знал про галереи, знал про то, что Арес живет в двух разных мирах и эти миры никогда не пересекаются. Он никогда не расспрашивал, не лез в душу, но все понимал без слов.

— Понял, – коротко сказал он. Без осуждения. Без насмешки. Просто констатировал факт. – Тогда давай, беги, пока твой старик тебе голову не открутил. Но тогда ты мне должен курицу, Дрейк. Слышишь? С процентами.

Арес слабо улыбнулся, хлопнув его по плечу.

— За мной не заржавеет. На следующей неделе двойная порция. Клянусь.

— Ну смотри, – Тайрон уже развернулся и направился к выходу с площадки. – Я запомнил. Ты слово дал. А слово, как говорила моя бабуля, дороже денег. И дороже картин твоего папаши.

Он помахал рукой, а через минуту скрылся за углом. Арес остался один на пустой площадке. Мяч все еще лежал на асфальте, забытый, никому не нужный. Солнце поднялось выше. Тень от кольца стала короче, резче, словно кто-то обрезал ее ножницами. Он наклонился, поднял свой старый мяч. Он был теплым, почти горячим.

Вздохнув, Арес запихнул мяч в рюкзак, закинул его на плечо и направился к выходу. Во рту пересохло, а в голове билась одна-единственная мысль: он опоздает? Нет Он не может опоздать, потому что должен сидеть за столом, улыбаться гостям, слушать разговоры о ценах на живопись и делать вид, что ему интересно. Делать вид, что он часть этой семьи. Делать вид, что он такой же, как они.

Дорога обратно прошла как в тумане. Метро проглотило его и выплюнуло обратно на Парк-авеню. Он почти бежал, лавируя между прохожими, обливаясь потом, чувствуя, как футболка прилипает к спине. В лобби его встретил уже знакомый консьерж и посмотрел с вежливо-осуждающим выражением лица. Арес проигнорировал этот взгляд, вошел в лифт и нажал на кнопку тридцать седьмого этажа. Двери закрылись, отрезая его от остального мира и он в последний раз выдохнул прежде чем снова стать Аресом Дрейком. Не парнем с площадки, а наследником, сыном, экспонатом в коллекции отца.

Лифт остановился. Створки разъехались. И первое, что он увидел, была мать.

Элеонора стояла в холле, нервно теребя край своего кашемирового джемпера. Ее лицо, обычно спокойное и безмятежное, как гладь пруда в безветренный день, было бледным и встревоженным. Глаза метнулись к нему сразу, цепко, с материнской тревогой, которая не имеет ничего общего с укорами или раздражением. Это была тревога в чистом виде. Страх за своего детеныша. Такой же древний, как само человечество.

— Арес! — она шагнула к нему, схватила за плечи, заглянула в лицо, будто проверяя, цел ли он. — Ну наконец-то. Я уже не знала, что думать. Ты не брал трубку, отец рвал и метал Ты в порядке? Ты не поранился? Дай посмотрю.

— Мам, я играл в баскетбол, а не воевал в Афганистане, — мягко убрал он ее руки, стараясь говорить спокойно. — Все нормально. Просто не слышал звонка. Пот и шум, сама понимаешь.

— Понимаю, — выдохнула она, но тревога в ее глазах не ушла. — Но ты пойми и меня тоже. Твой отец сегодня сам не свой. Эти гости из Лондона, новый аукцион, еще какие-то проблемы с доставкой картин Он нервничает. А ты знаешь, каким он бывает, когда нервничает.

Арес знал. Еще как знал. Джулиан в состоянии стресса превращался в ходячий айсберг. Холодный, безжалостный, способный потопить любой «Титаник», включая собственного сына. Спорить с ним в таком состоянии было все равно что биться головой о бетонную стену. Больно, бессмысленно и безрезультатно.

— Я быстро в душ, мам, — сказал он, направляясь в свою комнату. — Через пятнадцать минут буду готов. В костюме, галстук, с приклеенной улыбкой. Как папа любит. Обещаю.

Элеонора ничего не ответила, только проводила его взглядом. И в этом взгляде было что-то такое, от чего Аресу стало не по себе. словно она знала что-то, чего не говорила. Что-то, что должно было произойти за этим обедом. Что-то, к чему он был совершенно не готов.

Он вошел в свою комнату, бросил рюкзак на пол и направился в душ. Горячая вода хлестала по плечам, смывая пот, пыль и запах асфальта. Он стоял, уперев руки в кафельную стену и смотрел, как вода утекает в сток, унося с собой остатки того, другого Ареса. Свободного.

Через пятнадцать минут он действительно стоял перед зеркалом, затягивая галстук. Серая ткань костюма сидела идеально, рубашка хрустела свежестью, туфли блестели. Отражение смотрело на него с легкой, едва уловимой насмешкой. Ну что, Дрейк, готов к очередному спектаклю? Готов играть роль примерного сына? Готов улыбаться и кивать, пока отец в очередной раз будет демонстрировать тебя гостям как свою самую ценную и самую послушную инвестицию? Арес поправил запонки: тяжелые, платиновые, с выгравированными инициалами «A.D.». Подарок отца на пятидесятилетие. Символ статуса. Еще один штрих к портрету идеального наследника. И вышел в гостиную.

Гости уже прибыли. Он услышал их голоса еще из коридора — приглушенный, хорошо поставленный смех, звон бокалов с аперитивом, обрывки светской беседы. «совершенно потрясающая работа лондонская галерея в этом сезоне рынок современного искусства показывает небывалый рост» Слова текли плавно, словно дорогое вино из бутылки, которую Марта только что откупорила. А потом он вошел в гостиную и все головы повернулись к нему. Джулиан, стоявший у окна с бокалом, окинул сына быстрым, оценивающим взглядом. Осмотр прошел по разряду «удовлетворительно». Отец едва заметно кивнул, уголок его рта дернулся в подобии улыбки, а после он повернулся к гостям.

— А, вот и он. Мой сын, Арес. Прошу любить и жаловать.

Арес шагнул вперед, вежливо улыбаясь, и начал пожимать руки. Пара из Лондона — мужчина с бакенбардами и его супруга в жемчугах, — какой-то критик с вечно кислым лицом, которого Арес уже где-то видел Имена проносились мимо ушей, не задерживаясь в памяти. Он машинально говорил «очень приятно», «да, я тоже рад знакомству», «спасибо, отец много о вас рассказывал». Стандартный набор. Пустые слова. Фальшивые улыбки. Спектакль начался.

Но когда они садились за стол и Джулиан поднял бокал, чтобы произнести первый тост, Арес вдруг поймал взгляд отца. И то, что он там увидел, заставило его сердце пропустить удар. Это не был взгляд раздраженного родителя, чей ребенок опоздал к обеду. Это было что-то другое. Холодное. Расчетливое. Почти хищное. словно он приготовил для сегодняшнего обеда особое блюдо.

Отец откашлялся, промокнул губы льняной салфеткой и обвел взглядом собравшихся. Медленно, смакуя момент, как хищник смакует паузу перед броском. Его бокал с шампанским поймал свет от люстры и по скатерти пробежал золотистый зайчик. Арес сидел напротив, неестественно выпрямившись, чувствуя, как воротничок рубашки вдруг стал тесным, как петля.

— Друзья мои, – начал Джулиан, и его голос звучал почти интимно, словно он собирался поделиться сокровенным секретом, – мы все здесь прекрасно знаем, что я не привык размениваться по мелочам. Когда речь заходит о будущем моей семьи, а тем более о будущем моего сына, я не признаю компромиссов. Компромисс, как говаривал мой дед, это искусство делить пирог так, чтобы каждый считал, что ему достался лучший кусок. Но в искусстве, которым занимаемся мы с вами, леди и джентльмены, нет места делению. Есть только победа.

Он замолчал ровно на секунду, проверяя реакцию. Грузная пара из Лондона закивала с той особенной, сытой благосклонностью, которая бывает только у людей, привыкших получать от жизни все и даже чуть больше. Мужчина, квадратный, массивный, с бакенбардами, походил на отставного борца сумо, которого зачем-то обрядили в костюм с Сэвил-Роу. Его супруга, дама в жемчугах и лиловом шелке, колыхалась при каждом движении, словно гигантский пудинг, который забыли поставить в холодильник. От них обоих пахло дорогим одеколоном.

— Именно поэтому, – продолжал Джулиан и его взгляд наконец остановился на Аресе, пригвождая его к стулу, как булавка пригвозждает бабочку к картону коллекционера, – я принял решение. После окончания школы Арес отправится в Лондон, где будет изучать искусство под чутким руководством моих дорогих друзей Малькольма и Беатрис Хэмптон-Смит. Он будет жить у них и проходить стажировку в нашей семейной галерее «Drake Contemporary London». Я считаю, это наилучший способ подготовить его к тому будущему, которое его ждет.

Тишина.

Она повисла в воздухе, густая, осязаемая, словно кто-то вылил на стол ведро холодной воды. Арес перестал дышать. Он слышал каждое слово. Они долбили по вискам, как маленькие, безжалостные молоточки, но смысл ускользал, отказываясь укладываться в голове. Лондон. Искусство. Стажировка. Жить у этих людей. Словно его жизнь была не его собственной, а пунктом в деловом контракте, который можно подписать, не спрашивая мнения главного фигуранта. Словно он был не сыном, а активом. Еще одной инвестицией.

— О-о-о, дорогой мой мальчик! – Беатрис Хэмптон-Смит всплеснула пухлыми руками и ее жемчужное ожерелье заколыхалось, как поплавки на волнах. Ее лицо расплылось в широчайшей улыбке, обнажая зубы, которые, несомненно, стоили дороже, чем весь этот обед, вместе взятый. – Ты даже не представляешь, как мы счастливы! Правда, Малькольм? Скажи ему, как мы счастливы!

— О да, – пробасил Малькольм, откидываясь на спинку стула так, что та жалобно скрипнула под его весом. Он сложил руки на необъятном животе и его глазки-бусинки, утонувшие в складках кожи, заблестели от удовольствия. – Джулиан, ты не поверишь, но Беатрис буквально на днях говорила мне: «Малькольм, нам нужен наследник». Ну, в смысле, у нас есть наша дорогая Пенелопа, конечно, но она, знаешь ли, ударилась в этот как его в экологический активизм. Протестует, приковывает себя наручниками к бульдозерам, ест одну траву и не бреет подмышки. Ужас. У-жас. – Он покачал головой, и его многочисленные подбородки заколыхались в такт. – А мы с Беатрис всегда мечтали о сыне. О ком-то, кто продолжит дело. Кто поймет. Кто не побоится испачкать руки в ну, в искусстве.

— О да, дорогой, – подхватила Беатрис, перегибаясь через стол и хватая холодную, безвольную руку Ареса в свою, горячую и влажную, словно свежееиспеченный хлеб. Ее прикосновение было липким от какого-то крема и Аресу стоило невероятных усилий не отдернуть пальцы. – Мы будем тебе как вторые родители. Лучшие родители! У нас в поместье в Суррее

такой воздух И галерея в Мейфэре одна из лучших в Лондоне, ты знал? Твой отец и мой Малькольм построили ее буквально из ничего. Из пыли! Из пепла!

— Из пепла, – эхом повторил Арес. Его голос прозвучал глухо, словно из-под толщи воды. Он медленно, почти механически высвободил свою руку из цепких пальцев Беатрис и положил ее на стол, рядом с нетронутой тарелкой.

— Ну, не совсем из пепла, конечно, – хохотнул Малькольм, явно не улавливая тона. – Скорее, из очень выгодных инвестиций.

Джулиан наблюдал за этой сценой с непроницаемым лицом, но в его глазах, глубоко, на самом дне, плясали крошечные, почти невидимые искорки удовлетворения. Он добился того, чего хотел. Он объявил о своем решении при свидетелях, при гостях, сделав невозможным немедленный отказ. Это был блестящий тактический ход. Шах и мат. При всем честном народе.

Элеонора, сидевшая между сыном и мужем, побледнела еще сильнее. Ее пальцы, унизанные кольцами, нервно теребили край скатерти. Она открыла было рот, чтобы что-то сказать, возможно, смягчить удар, перевести разговор в более безопасное русло, но Джулиан бросил на нее один-единственный взгляд и она закрыла рот, так и не произнеся ни звука. Этот взгляд говорил: «Не вмешивайся. Это не твое дело. Я решил. Значит, так и будет». И она подчинилась. Как всегда.

Но Арес О, Арес был не из тех, кто подчиняется. С раннего детства. С того самого дня, как он впервые взял в руки баскетбольный мяч и понял: вот оно. Его. Не отцовское. Не семейное. Его собственное. И сейчас, сидя за столом, глядя на самодовольные улыбки гостей, на холодное, как мрамор, лицо отца, на испуганное матери, он почувствовал, как внутри него поднимается волна. Горячая. Огромная. Неудержимая. Та, что сметает все на своем пути.

Он поднял глаза на Джулиана. И улыбнулся.

— А если я скажу «нет»?

Слова упали на стол, как камни. Звонко. Тяжело. Окончательно. Вилка, которую держал Малькольм, замерла на полпути ко рту. Беатрис перестала сиять. Ее лицо на секунду приняло выражение, которое появляется у людей, когда они понимают: что-то пошло не по сценарию. Совсем не по сценарию.

— Прости, что? – голос Джулиана не изменился ни на полтона. Все тот же ровный, хорошо поставленный баритон. Но лед в нем стал толще. Намного толще.

— Я сказал: а если я скажу «нет»? – Арес повторил медленнее, громче, чеканя каждое слово. Он отодвинул стул. Тот скрежетнул по паркету, издав звук, похожий на вскрик и встал. Теперь он смотрел на отца сверху вниз. Это, должно быть, было единственное преимущество, которое у него оставалось. Чисто физическое. Но и его было достаточно. — Ты спрашивал меня? Ты вообще допускал мысль, что я могу не хотеть ехать в твой чертов Лондон к этим – он запнулся, бросил взгляд на Беатрис и Малькольма, – к этим людям? Что у меня могут быть другие планы? Другая жизнь? Что я, в конце концов, не твоя собственность?

— Арес, дорогой – начала Элеонора, приподнимаясь со стула. Ее голос дрожал. — Пожалуйста, давай обсудим это позже, наедине, спокойно, не при гостях

— Нет, мам. – Арес даже не обернулся к ней. Он не сводил глаз с отца. – Мы обсудим это сейчас. Потому что «позже» в этом доме означает «никогда». А «наедине» Это когда он говорит, а я слушаю. Я устал слушать. Я хочу, чтобы он услышал меня. Хотя бы раз. Один-единственный раз.

Малькольм кашлянул и отложил вилку. Беатрис прижала пухлую руку к груди, изображая оскорбленную добродетель, но в ее глазах читалось скорее любопытство, чем обида. Такое, знаете, неприличное любопытство вуайериста, с которым смотрят на уличные драки и семейные скандалы. Критик с кислым лицом, сидевший с краю, и вовсе замер с открытым ртом, забыв про свой бокал. Он пришел на скучный великосветский обед, а попал в театр. В партер. В первый ряд.

Джулиан медленно, очень медленно поставил свой бокал на стол. Звук, с которым хрустальное основание коснулось полированного дерева, был тихим, но в наступившей тишине он прозвучал как выстрел стартового пистолета.

— Что ж, — произнес он. Ледяным тоном. Словно каждое слово было обмакнуто в жидкий азот. — Раз ты решил устроить этот спектакль при гостях, давай устроим. Ты хочешь, чтобы я тебя услышал? Я тебя слышу. Я слышу неблагодарного, избалованного мальчишку, который понятия не имеет о том, что для него делается. Которому предлагают будущее. Великолепное, обеспеченное, блестящее будущее, а он воротит нос, потому что ему больше нравится гонять мяч по грязному асфальту с чернью из Гарлема.

— Это мои друзья! — крикнул Арес, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Голос сорвался на верхней ноте, и это было унижительно, по-детски, но ему было плевать. — Это не «чернь»! Это люди! Живые, настоящие люди, которые не оценивают друг друга по ценнику на стене! Которые не продают и не покупают души оптом и в розницу! В отличие от тебя и твоих

Он запнулся, но было поздно. Слово уже сорвалось, повисло в воздухе, как дым от выстрела, который нельзя вернуть обратно в ствол.

— Договаривай, — тихо сказал Джулиан. — Договаривай, Арес. Не стесняйся. Ты начал. Так заканчивай.

— Арес, пожалуйста, умоляю тебя, — Элеонора вскочила, схватила его за локоть. Ее пальцы были ледяными и дрожали. — Просто уйди в свою комнату. Просто уйди. Мы поговорим потом. Все уладим. Не делай этого сейчас. Не при них. Не с ним. Ты же знаешь, чем это кончится.

Но он не ушел. Он вырвал руку Не грубо, но решительно, сделал шаг назад, чтобы видеть всех разом. Отца Ледяного, собранного, с каменным лицом и глазами-скальпелями. Мать Испуганную, бледную, сломленную, не смеющую перечить. Гостей Ошарашенных, любопытных, жадных до чужого скандала. И себя В отражении огромного, во всю стену, зеркала в стальной раме. Высокого, жилистого парня с пылающими глазами, красными пятнами на скулах и сжатыми в кулаки руками. Парня, который только что объявил войну.

— Я. Не. Поеду. — сказал он, разделяя слова паузами, вбивая их, как гвозди. — Ты можешь лишить меня денег. Можешь запереть меня в этой квартире. Можешь пригрозить мне всем, чем угодно. Я не поеду в Лондон. Я не буду изучать твое искусство. Я не стану частью твоего бизнеса. У меня свой путь. И если ты не можешь этого принять Это твоя проблема. Не моя.

Джулиан молчал. Секунду. Две. Три. Тишина сгустилась до такой степени, что ее, казалось, можно было резать ножом и подавать на десерт. А потом он улыбнулся. Но это была не улыбка. Это был оскал, замаскированный под вежливость, — тонкий, как лезвие, и такой же опасный.

— Я вижу, воспитание, которое я тебе дал, не пропало даром, — произнес он. — Ты умеешь говорить. Красиво. Пафосно. Даже убедительно. Жаль только, что ты до сих пор не научился главному Понимать, с кем ты разговариваешь.

Он взял свой бокал и сделал крошечный, почти незаметный глоток, не сводя глаз с сына. — Я не буду обсуждать это с тобой сейчас. Потому что здесь нечего обсуждать. Решение принято. И ты поедешь в Лондон, Арес. Ты поедешь, потому что я так сказал. Потому что я твой отец. Потому что, пока ты живешь в моем доме и ешь мою еду, ты будешь делать то, что я скажу. Это понятно? Или нужны более простые слова?

— Да пошел ты, — сказал Арес.

Тихо. Но отчетливо. Каждое слово как плевок в лицо.

Беатрис ахнула, прижав салфетку к губам. Малькольм издал какой-то неопределенный звук: не то смешок, не то всхлип. Элеонора закрыла лицо рукой. Критик с кислым лицом медленно, с наслаждением отпил из бокала, предвкушая, как будет пересказывать эту историю своим друзьям. А Джулиан Джулиан перестал улыбаться.

— Вон, - сказал он. Голос был тихим, но в нем звенела такая сталь, что, казалось, еще немного и воздух начнет искрить. — В свою комнату. Сейчас же. Ты опозорил меня, опозорил мать, опозорил гостей. Ты не выйдешь из дома до понедельника. Никакого баскетбола. Никаких прогулок. Никаких друзей из Гарлема. Ты сидишь в своей комнате и думаешь над своим поведением. А в понедельник мы вернемся к этому разговору. И поверь мне, он будет совсем другим.

Арес стоял, сжимая и разжимая кулаки. Сердце колотилось где-то в горле, готовое выскочить наружу. Ему хотелось кричать. Крушить. Опрокинуть этот чертов стол со всей его дорогой посудой и этими улыбающимися, самодовольными лицами. Но он сдержался. Не потому, что испугался. А потому, что увидел глаза матери. В них стояли слезы. Настоящие, горячие, беспомощные слезы. И именно это, а не гнев отца, заставило его развернуться и выйти.

Он прошел через гостиную, чувствуя на спине взгляды. Он толкнул дверь в свою комнату, вошел и закрыл ее за собой. Не хлопнул, нет, хлопнуть дверью было бы слишком по-детски... Просто закрыл. Плотно. Так, чтобы больше ничего не слышать.

Прислонившись спиной к двери, он медленно сполз на пол. Перед глазами все еще стояли лица. В ушах звенели слова. «Ты поедешь в Лондон». «Мы мечтали о сыне». «Решение принято...». «Пока ты живешь в моем доме...».

В своей комнате Арес подошел к окну. Он смотрел на зеленые кроны, на крошечные фигурки бегунов и велосипедистов. Там, внизу, была жизнь. Настоящая. Свободная. А здесь, наверху, была только клетка. Золоченая, просторная, с кондиционированным воздухом и видом на миллион долларов. Но клетка. Он уперся лбом в прохладное стекло и закрыл глаза.

В гостиной, за плотно закрытой дверью, воцарилась неловкая, звонкая тишина. Слышно было только, как Беатрис нервно помешивает ложечкой чай, да как Малькольм прочищает горло, не решаясь заговорить. Джулиан Дрейк стоял у окна, спиной к гостям, с идеально прямой осанкой, и смотрел на тот же самый Центральный парк.

Первой не выдержала Беатрис. Ну еще бы Эта женщина, казалось, была физически не способна находиться в тишине дольше тридцати секунд. Она отложила ложечку. Та звякнула о блюде чуть громче, чем допускали приличия. — Ну что ж, - выдохнула она и ее голос, обычно воркующий, как у сытой голубки, теперь звучал натянуто, как струна гитары которую перекутили на пол-оборота. - Я думаю Нам, наверное, пора. Малькольм, дорогой, ты не находишь?

Малькольм, чье лицо за последние пять минут приобрело оттенок несвежей свеклы, закивал с такой поспешностью, что его подбородки заходили ходуном. — О да. Да-да. Определенно. - он завожился на стуле, пытаясь подняться, и стул снова жалобно скрипнул. - У нас еще, э-э-э встреча. Ты же помнишь, дорогая? Та самая встреча. Очень важная.

Встреча была такой же липовой, как улыбка, которую он сейчас нацепил на лицо. В субботу днем? Но это была спасительная ложь, которая позволяет всем сохранить лицо, делая вид, что ничего не произошло: что подросток не послал своего отца при гостях, что обед не был безнадежно, катастрофически испорчен.

Критик поднялся первым. Он был худ, как борзая и двигался со скользящей грацией. В его глазах, глубоко посаженных и блестящих, читалось откровенное, почти неприличное удовольствие. Он пришел на скучный обед, а уходил с историей, которую можно будет пересказывать ближайшие полгода, смакуя каждую деталь: «Вы слышали, что учудил сын Джулиана Дрейка? Нет? О, это просто катастрофа. Сидим мы, значит, у них в гостиной»

Он поправил воротник своего пиджака и повернулся к хозяину дома.

— Джулиан, - произнес он нейтральным, чуть сухим тоном. - Спасибо за обед. Лосось был великолепен. Передайте мои комплименты вашему повару.

Лосось. Он говорил о рыбе, как будто последние пятнадцать минут не разорвали ткань реальности в этой гостиной на мелкие клочки, как будто воздух все еще не звенел от эха произнесенных порочных слов, которые висели под потолком, словно дым от пожара.

Джулиан наконец повернулся. Медленно. Его лицо было маской. Идеальной, фарфоровой, без единой трещинки. Только вот глаза Глаза его были двумя осколками арктического льда, и в них не было ничего, кроме холодной, просчитанной до миллиметра ярости. — Рад, что вам понравилось, - ответил он. - Приношу извинения за незапланированное представление. Подростковый максимализм, ничего более. Уверен, вы понимаете.

Он не извинялся. Он ставил диагноз. Подростковый максимализм. Три слова, которые должны были свести только что произошедшее к банальной, не стоящей внимания истерике. Никакой драмы. Никакого бунта. Просто гормоны. Просто возраст. Пройдет.

Беатрис, ухватившись за эту соломинку, немедленно закивала с энтузиазмом. — О, конечно-конечно! - заворковала она, поднимаясь и оправляя свой лиловый шелк, который за время сидения предательски помялся на боках. - Мы все через это проходили. Помню, наша Пенелопа в четырнадцать лет заявила, что уходит из дома и будет жить в коммуне веганов. Представляете? Она рассмеялась, но смех вышел слишком высоким, слишком искусственным. — Это возрастное. Пройдет. Малькольм, ты идешь?

Малькольм уже был на ногах. Он надвигался на Джулиана с протянутой рукой: широкой, мясистой, с золотым перстнем на мизинце. Вид у него был одновременно виноватый и заискивающий. — Джулиан, старина, - пробасил он, стискивая ладонь хозяина дома с чрезмерной сердечностью, - не переживай. У всех бывают э-э-э... разногласия. В семье без этого никуда. Мы с Беатрис все понимаем. Правда, дорогая?

— О да, - поддакнула Беатрис, натягивая перчатки. - Мы все понимаем.

Все понимаем Это, конечно, был код. Код, означавший: мы ничего не понимаем, мы в шоке, мы никогда не видели, чтобы с Джулианом Дрейком так разговаривали, но мы сделаем вид, что это нормально, потому что бизнес есть бизнес, а Лондонская галерея приносит слишком хорошую прибыль, чтобы ссориться из-за какого-то мальчишки.

Элеонора, которая последние минуты стояла в стороне, молчаливая и бледная, как статуя, наконец вышла из своего оцепенения. Она шагнула вперед, ее каблук простучали по паркету торопливой, нервной дробью. — Я провожу вас, - сказала она тихо, но твердо. - Марта, лифт, пожалуйста.

Домработница, которая все это время стояла в дверях, застыв, как изваяние, с графином воды в руках, которая она так и не решилась подать, встрепенулась и бросилась вызывать лифт.

Элеонора взяла на себя роль дипломата. Роль, которую она играла последние двадцать лет, сглаживая углы, которые оставлял после себя Джулиан. Она шла рядом с Беатрис, чуть касаясь ее локтя и тихо, почти интимно говорила что-то про погоду, про пробки в центре, про то, как жаль, что обед пришлось прервать. Обычные светские слова-пустышки, которые на самом деле ничего не значили, но создавали иллюзию нормальности. Беатрис подыгрывала ей. Она кивала, улыбалась, даже издавала смешок, которым смеются богатые дамы, когда хотят показать, что никто ничего не заметил в этой ситуации. Малькольм шел позади, пыхтя и отдуваясь, его бакенбарды топорщились в стороны, придавая ему вид старого моржа, которого вытащили на сушу. Критик замыкал шествие.

У лифта возникла небольшая заминка. Нужно в последний раз обменяться рукопожатиями, кивками, полуулыбками. Беатрис порывисто схватила Элеонору за обе руки и наклонилась к ней с видом, будто собиралась сообщить государственную тайну. — Дорогая моя, — прошептала она, обдавая Элеонору запахом пудры и мятных леденцов, — я просто восхищаюсь твоей выдержкой. Это просто.. — Она замялась, подыскивая слово. — Это просто святость. Я бы на твоём месте, честное слово!.. — она не договорила, но многозначительно закатила глаза, ее жемчужное ожерелье снова заколыхалось, как поплавки на волнах. Элеонора ничего не ответила. Только улыбнулась. Улыбкой женщины, которая только что видела, как ее семья ссорится и не смогла сделать ничего, чтобы это остановить. Ничего.

Двери лифта наконец закрылись, отрезая гостей от квартиры. В последнюю секунду Малькольм успел помахать рукой, словно они только что расстались после чудесного воскресного барбекю. Лифт загудел, унося их вниз.

А наверху, в гостиной, остались двое.

Элеонора вернулась от лифта и остановилась в дверях, не решаясь войти. Джулиан стоял на том же месте, у окна. — Джулиан, — тихо позвала Элеонора. Ее голос прозвучал робко, почти просительно. Так говорят с хищниками. Мягко, осторожно, чтобы не спровоцировать бросок.

Он не обернулся. Только плечи чуть дрогнули.

— Они ушли? — спросил он. Вопрос был риторическим. Он знал, что они ушли. Он слышал звуки лифта.

— Да, — ответила она, делая крошечный шаг вперед. — Я извинилась перед ними. Беатрис сказала, что они все понимают. Что это возрастное.

Джулиан издал короткий, сухой смешок без тени веселья. — Возрастное, — повторил он, пробуя слово на вкус. Кажется, пришлось ему не по нутру. — Ему шестнадцать, Элеонора. Шестнадцать. В этом возрасте я уже работал в галерее отца и не позволял себе даже думать о том, чтобы повысить голос за столом. А он он послал меня. При всех. Ты понимаешь, что это значит? Не для меня! Для него? Он только что публично отказался от всего, что я для него построил. От всего.

Элеонора прикусила губу. Она подошла ближе, почти вплотную, и положила ладонь на его плечо. Ткань пиджака была холодной и гладкой, как лед. — Он еще ребенок, — сказала она. — Он не понимает. Он думает, что ты хочешь отнять у него то, что он любит. Баскетбол, друзей... Может быть, если бы ты поговорил с ним не как с деловым партнером, а как с сыном

— Я говорил с ним как с сыном! — резко оборвал ее Джулиан, сбрасывая ее руку с плеча достаточно решительно, чтобы она отступила. — Я говорил с ним как с сыном, которому желаю лучшего. Лучшего, понимаешь? Будущего! Карьеры! Состояния! Имени! Он Дрейк, мать его! Он носит мою фамилию! И он будет делать то, что должен делать Дрейк!

— Даже если он этого не хочет? — тихо спросила Элеонора. Ее глаза снова наполнились слезами, но голос не дрожал. — Даже если это сделает его несчастным?

Джулиан повернулся к ней. Его лицо, только что бывшее маской спокойствия, на мгновение дрогнуло. На одно короткое, почти незаметное мгновение в нем проступило что-то человеческое. Усталость. Или сожаление. Или, может быть, тоска по тому, чего он сам никогда не

имел. — Счастье Это не то, что он думает, - произнес он, словно объясняя самому себе. — Счастье Это когда у тебя есть все. А все – это то, что я ему даю. Он просто еще слишком молод, чтобы это понять.

Он замолчал. Элеонора тоже молчала. Они стояли друг напротив друга в огромной, залитой солнцем гостиной, и между ними лежала пропасть из невысказанных слов, подавленных обид и семейного холода, который не лечится ни деньгами, ни временем.

Бесшумно, как призрак, в гостиную просочилась Марта. Она замерла на мгновение у порога, оценила масштаб бедствия: недопитое шампанское в четырех бокалах, скомканные салфетки, почти нетронутый лосось на тарелках, крошки от бриоши, рассыпанные по скатерти. Ее лицо, обычно бесстрастное, как у буддийской монахини, едва заметно дрогнуло. Она работала у Дрейков одиннадцать лет и могла по звуку шагов определить, кто в каком настроении вышел из лифта. Сегодняшний обед был катастрофой. Это слово она, конечно, никогда бы не произнесла вслух. Но про себя... Да. Она начала собирать тарелки. Двигалась почти беззвучно. Годы практики выработали у нее привычку исчезать, когда в доме назревает гроза. Вилки, ножи, хрустальные бокалы... Все отправлялось на поднос с бережной скоростью. Осколков, слава богу, не было. Физических, во всяком случае. Джулиан к тому времени уже скрылся в кабинете. Дверь закрылась с характерным, тяжелым щелчком, который в этом доме означал не входить ни при каких обстоятельствах. За этой дверью, обитой звукоизоляцией, он мог стоять, прислонившись лбом к книжному шкафу, а мог сидеть в кожаном кресле, глядя в одну точку на стене, где висел эскиз Мондриана. Никто не знал.

Элеонора все еще стояла посреди гостиной, кусая губу и глядя в пустоту. Когда Марта потянулась за графином с водой, она встрепенулась. — Давай помогу, - сказала она, шагнув к столу и взявшись за край тяжелого блюда с нетронутым десертом: невероятным муссом из маракуйи, который теперь отправится прямым в мусорное ведро.

Марта замерла, ее руки повисли в воздухе. Она была из старой школы. Из тех, кто считает, что хозяйка не должна носить грязную посуду, но Элеонора посмотрела на нее взглядом, в котором читалось столько усталой, беспомощной решимости, что домработница лишь едва заметно кивнула и отступила на шаг.

Они убирали вместе. Марта загрузила посудомоечную машину и приборы. Элеонора сняла скатерть со следами пролитого вина, которую она аккуратно свернула и отнесла в прачечную. За этим занятием, простым и монотонным, ей было легче. Руки заняты — голова свободна. Ну, почти.

Через час квартира выглядела так, будто никакого обеда не было вовсе. Чистота. Свежесть. Тишина, нарушаемая лишь привычным гулом климат-контроля. Марта ушла на кухню. У нее там еще оставались кастрюли и сковороды, требовавшие внимания. Элеонора осталась одна в гостиной, чувствуя, как вечер медленно, неумолимо вползает в окна, заливая комнату тяжелым, медовым светом заката.

Она думала о сыне.

Прошло уже несколько часов с тех пор, как он закрылся в своей комнате. Ни звука. Ни шагов. Она знала, что он там. Слышала, как включалась вода в ванной, как что-то негромко играло из динамиков ноутбука, но эта тишина ее пугала. Слишком громкая. Слишком полная.

Элеонора сняла туфли и босиком, неслышно ступая по паркету, подошла к двери в комнату Ареса. Помедлила. Прислушалась. Изнутри доносился приглушенный, ритмичный звук. Она тихо постучала.

— Арес? Можно?

Пауза. Короткая. Потом шаги. Дверь открылась.

Он стоял перед ней, прислонившись плечом к косяку. За эти несколько часов он успел переодеться: спортивные шорты свободного кроя, старая футболка с логотипом «Никс». Пластиновые волосы, обычно уложенные в небрежную, но продуманную прическу, сейчас торчали

в разные стороны. Он то и дело запускать в них пятерню, нервничая. Серо-голубые глаза смотрели устало, но спокойно. Буря, бушевавшая в них за обедом, улеглась. Остался только штиль. И, может быть, пара обломков на дне.

— Привет, - сказал он.

— Привет, - ответила она.

Элеонора окинула взглядом комнату. На столе раскрытый ноутбук с видео на YouTube: какой-то матч НБА. На полу кроссовки, брошенные впопыхах и пара гантелей. Мяч, сиротливо лежал в углу, но не на полу, а на стуле, словно ему было выделено особое, почти почетное место. Кровать не заправлена. На тумбочке телефон экраном вниз, в режиме «не беспокоить». Он включал его, когда не хотел ни с кем говорить. Когда мир становился слишком громким.

— Я не вовремя? - спросила она, все еще стоя на пороге.

— Нет. - Он отступил в сторону, пропуская ее. - Заходи.

Она вошла. Опустилась на край его кровати с простынями из египетского хлопка и сложила руки на коленях. Арес остался стоять у стола, опираясь на него ладонями, чуть согнувшись. Он не смотрел на нее. Он смотрел куда-то в угол, туда, где мяч сидел на стуле, словно старый, молчаливый друг.

— Как ты? - спросила она. Глупый вопрос. Она сама это понимала. Но с чего-то надо было начать.

— Жив, - он пожал плечами. - Вроде.

— Я хотела поговорить. О том, что было за обедом.

— Давай только без этого, мам. - Он вскинул голову. В глазах мелькнуло что-то острое, колющее, но тут же исчезло. - Без «твой отец желает тебе добра» и «он просто не умеет выражать чувства». Я это слышал. Много раз.

— Я не это хотела сказать.

Он посмотрел на нее. Пристально. Она сидела на его кровати: маленькая, босая, в измятом кашемировом джемпере, с распущенными волосами, в которых уже поблескивали первые серебряные нити. И в этот момент она была не светской львицей, не миссис Дрейк, не женой всемогущего Джулиана. Она была просто мамой. Его мамой.

— Тогда что? - спросил он.

Элеонора помолчала. Пальцы ее снова теребили край одежды. На этот раз собственного рукава. — Я не знаю, как сделать так, чтобы он тебя услышал, - сказала она наконец. - Я пробо-

вала. Правда. Последние несколько лет я пробовала. Но он Джулиан... Он устроен по-другому. Для него любовь это контроль. Безопасность это план. А все, что не вписывается в план... Это угроза. Не для бизнеса. Для него самого. Понимаешь?

Арес молчал. Он понимал. Даже слишком хорошо.

— Ты для него не вещь, понимаешь? - продолжала она, голос дрогнул, но удержался. - Ты его сын. Единственный. Он не знает, как это показать, кроме как построить тебе будущее. Такое, какое он считает правильным. Я не оправдываю его. - она подняла руку, предупреждая возражение. — То, что он сказал про твоих друзей это было отвратительно. Я не согласна. Я никогда не была с ним согласна в этом.

— Тогда почему ты молчала? - Арес задал этот вопрос тихо, без вызова, но от этого он прозвучал еще сильнее. - Почему ты всегда молчишь?

В комнате повисла пауза. За окном, в Центральном парке, зажглись первые фонари. Их свет, мягкий и размытый, просачивался сквозь стекло и ложился на пол бледными квадратами. — Потому что я боюсь, - тихо ответила Элеонора. - Не за себя. За тебя. Боюсь, что если я встану между вами, он разозлится еще сильнее. И тогда он не просто отправит тебя в Лондон. Он сделает так, что ты вообще не сможешь вернуться. Я знаю его. Я живу с ним двадцать два года. Он не умеет проигрывать.

Арес медленно опустил на игровой стул, что стоял рядом и взял со стола карандаш, который начал крутить между пальцами. — И что мне делать? - спросил он, не глядя на мать. - Сказать «да, папочка, я поеду в Лондон, я буду продавать картины, я стану твоей копией»? Я не могу, мам. Я задыхаюсь в этой жизни. Я не хочу быть галеристом... Ты понимаешь?

— Понимаю, - она встала, подошла к нему и положила ладонь на его плечо. Рука была теплой, но все еще чуть дрожала. - Я видела тебя на играх. Ты светишься. Ты становишься другим человеком. Я, может, не все понимаю в баскетболе, но я понимаю, что делает людей счастливыми....

Он поднял голову. Их глаза встретились. — Я не поеду в Лондон, - отрезал он. - Я скорее уйду из дома. Серьезно.

— Не говори так. - Ее пальцы сжались на его плече. - Не надо. Давай попробуем по-другому. Я поговорю с ним. Еще раз. Завтра, когда он остынет. Может быть, есть компромисс. Может быть, можно совмещать учебу и спорт. Я не знаю. Но я попробую. Обещаю.

— Он не остынет, - мрачно заметил Арес. - Ты сама сказала: он не умеет проигрывать.

— Да, - согласилась она. - Но я не он. И я еще не проиграла.

Впервые за долгое время в его глазах мелькнуло что-то похожее на надежду. Слабая, неуверенная, как росток, пробивающийся сквозь асфальт. Но все же.

— Спасибо, - сказал он. Одно слово. Без пафоса. Просто слово, которое весило больше, чем все произнесенные за этот день речи.

Элеонора наклонилась и поцеловала его в макушку. Волосы пахли чем-то цитрусовым. Его шампунем, который она покупала ему в магазине на Мэдисон-авеню. Она помнила, как он впервые покрасился в этот платиновый. Ему было четырнадцать. Отец тогда не разговаривал с ним неделю. Но она сказала: «Тебе идет». И это было правдой. Ему шло. — Я пойду, - она отпустила его плечо и направилась к двери. - Отдыхай. И, Арес... Она обернулась на пороге, — Понедельник еще не наступил. У нас есть завтра. Целое воскресенье. Может, что-то изменится.

— Может, - эхом отозвался он. Но в голосе его не было уверенности.

Она вышла, прикрыв за собой дверь. Арес остался в комнате. Солнце окончательно село. Комната погрузилась в синеватые сумерки, которые бывают только в Нью-Йорке, когда свет от небоскребов смешивается с остатками дня. Он не стал включать лампу. Просто сидел в темноте, слушая отдаленный гул города...

Глава 2. Прямо в лоб

Лондон.

А вот этот город, в отличие от своего заокеанского кузена, не переваривает. Он тебя игнорирует. С особым, сдержанным высокомерием, на которое способны только старые деньги и древняя имперская столица. Нью-Йорк орет, толкается, хватается за грудки и дышит перегаром в лицо. Лондон же лишь приподнимает бровь и отворачивается, делая вид, что ты не существуешь. Проходи. Если достоин. Если нет. Что ж, тут есть сотни других улиц, переулков, тупиков, где можно тихо исчезнуть под вечный аккомпанемент моросящего дождя.

Дождь здесь не погода. Это состояние души. Он не льет стеной, как в тропиках и не обрушивается короткими яростными ливнями, как в Нью-Йорке в июле. Он моросит. Мелко, настырно, почти лениво. Этакая водяная пыль, которая умудряется просочиться за воротник пальто, даже если ты вышел из дома на три минуты. Капли висят в воздухе, словно застывшая изморось и свет фонарей дробится в них на миллионы крошечных призм. К трем часам дня уже смеркается. Старая добрая британская зима, когда небо над Темзой приобретает цвет несвежего супа из лука-порей.

Здесь пахнет сырой шерстью пальто в переполненном вагоне метро, выхлопами черных кэбов, которые пахнут как-то благороднее, чем обычные такси (может, потому что соларка здесь дороже?) и вездесущий аромат жареных каштанов, который ветер тащит от тележки на углу Найтсбриджа прямо к воротам Гайд-парка. В парке пахнет прелой листвой, мокрой землей и чем-то аристократичным. Словно сама история, пропитавшая эти газоны, источает слабый аромат трубочного табака и старых книг.

Звучит Лондон совсем иначе, чем Нью-Йорк. Тише. Приглушеннее. Здесь никто не сигналит без крайней необходимости. Попробуй посигналь на Пикадилли — на тебя посмотрят так, будто ты испортил воздух в церкви. Вместо какофонии клаксонов цоканье копыт по брусчатке. Королевская конная гвардия, все еще марширует тут, как в девятнадцатом веке, скрип тормозов двухэтажного автобуса, который складывается гармошкой на повороте и бесконечное, заунывное «mind the gap», разносящееся из динамиков подземки. Этот голос, вежливый до зубовного скрежета, предупреждает о зазоре между платформой и поездом с такой интонацией, словно это как минимум вопрос жизни и смерти.

Лондон не давит вертикалями, как Манхэттен. Он расползается вширь, как гигантский каменный спрут, щупальца которого тянутся от Чаринг-Кросс до самых окраин Суррея. Здесь не так много небоскребов. Разве что Сити торчит иглами из стекла и стали, да и то как-то неловко, словно их построили, пока сама королева отвернулась. Основная же архитектура это крепкие, приземистые георгианские террасы, белые портики, черные кованые ограды и красный кирпич викторианских особняков. Кирпич этот темнее нью-йоркского. Он не просто красный. Он багровый, бурый, местами почти черный от копоти, накопившейся за два столетия. И окна. Огромные, сияющие чистотой, с идеально белыми рамами, за которыми прячется совсем другая жизнь.

И если в Нью-Йорке ты чувствуешь себя песчинкой в муравейнике, то здесь. Скорее случайным гостем в частном клубе, куда тебя, скорее всего, не приглашали. Лондон не для всех. Он для тех, кто знает правила. Кто понимает, что на Честер-сквер не принято гулять с собакой без поводка, что в «Хэрродс» лучше не заходить в спортивных штанах, а на чай в «Клариджес» записываются за месяц. Для тех, кто родился с серебряной ложкой во рту. Или, что важнее, с правильным почтовым индексом.

Кенсингтон. Белгравия. Мейфэр. Челси.

Эти названия звучат как заклинания, но именно они открывают двери, закрытые для простых смертных. За высокими, обитыми черной краской дверьми с начищенными до блеска

латунными ручками в виде львиных голов течет совсем другая жизнь. Там, внутри, пахнет не дождем и выхлопами, а лавандовой полиролью, выдержанным хересом и розами, которые садовник меняет в вазах каждое утро.

В одном из таких особняков — белоснежном, георгианском, с увитым плющом фасадом и садом, спускающимся к частному скверу, жила Арабелла Карлайл. И если вы подумали, что это имя звучит так, будто его придумали специально для фарфоровой куклы в витрине «Хэм-лис», что ж Вы не так уж далеки от истины. Вот только кукла эта умела стрелять, цитировать «Гордость и предубеждение» задом наперед и плевать на правила с грацией, которой позавидовала бы сама королева.

В особняке Карлайлов утро начиналось не с будильника. С кофе.

Ровно в шесть двадцать, когда над Кенсингтоном еще висела густая, как овсянка, декабрьская мгла, миссис Хэтэуэй уже стояла у плиты в цокольной кухне, помешивая жижу в медной турке. Она варила кофе по-турецки — мелкий помол, щепотка кардамона, ни грамма сахара. Не для хозяев. Для себя. Это был ее ритуал, ее одинокие пятнадцать минут до того, как дом проснется и начнет требовать, звонить, скрипеть половицами. В свои шестьдесят два Патрисия Хэтэуэй, экономка с тридцатипятилетним стажем, обладала лицом, которое можно было бы назвать суровым, если бы не глаза Выцветшие, серо-зеленые, с притаившейся в уголках искоркой, которую она тщательно скрывала. Она знала об этом доме все: где лежит запасной ключ от винного погреба, в каком ящике комода миссис Карлайл хранит свои дневники и почему на паркете в восточном коридоре есть царапина в форме полумесяца (мисс Арабелла, восемь лет, роликовые коньки). Но она никому этого не рассказывала. Хорошая экономка — это немая энциклопедия.

К семи утра дом начинал подавать признаки жизни. В подвальном этаже, где располагались кухня, прачечная и кладовые, уже вовсю кипела работа. Две горничные — сестры Анна и Мария, польки из Кракова, накрывали на стол в комнате для завтраков. Это была малая столовая, обитая светло-зеленым шелком, с эркерным окном, выходящим в сад. Сейчас, в декабре, сад выглядел как графика тушью: голые черные ветки фруктовых деревьев на фоне серого неба, идеально подстриженные тисы, похожие на гигантские шахматные фигуры и каменная чаша фонтана, накрытая брезентом до весны. Анна расставляла на столе фарфор «Веджвуд» (белый, с синей каймой, свадебный подарок матери Терезы, ни одной трещины за четверть века), пока Мария полировала столовое серебро, тихо напевая что-то под нос.

— Анна, — произнесла миссис Хэтэуэй, появляясь в дверях кухни с чашкой кофе в руке (фарфор, но не хозяйский, а ее собственный, с отбитой ручкой, купленный на блошином рынке в Портобелло), — ты положила утреннюю почту в кабинет мистера Карлайла?

— Да, мэм. «Таймс», «Файнэншл Таймс» и «Гардиан». И письмо из Даунинг-стрит, как обычно.

— И? — экономка приподняла бровь.

— Положила сверху. Чтобы сразу заметил. И конверт перевернула, как вы учили. Гербом вверх.

Миссис Хэтэуэй кивнула. Письма из Даунинг-стрит приходили раз в месяц. Ничего секретного, просто приглашения на благотворительные ужины и правительственные приемы, но Джеймс Карлайл любил, чтобы они лежали на виду. Политика его не интересовала, но он обо-жал, когда политики интересовались им. Крупный строительный холдинг с государственными контрактами Это вам не лавка с обоями. Это власть. Тихая, бетонная, невидимая глазу, но от этого не менее реальная.

Наверху, в парадной гостиной, Уилкс уже раздвигал шторы. Себастьян Уилкс, дворецкий, был единственным мужчиной в штате прислуги, если не считать Бриггса, который совмещал обязанности водителя и садовника и в дом без особого приглашения не заходил. Уилксу было пятьдесят восемь. Он служил у Карлайлов пятнадцать лет, а до этого двадцать лет в Королев-

ском флоте. Выправка у него была такая, что даже миссис Хэтэуэй иногда забывала о своем скепсисе и почтительно понижала голос. Он двигался по дому бесшумно, как подводная лодка в режиме «тишина» и обладал редким талантом появляться именно в тот момент, когда требовалась помощь и исчезать ровно за секунду до того, как его присутствие переставало быть необходимостью.

— Доброе утро, Уилкс, — произнесла миссис Хэтэуэй, проходя через гостиную с подносом для завтрака (миссис Карлайл предпочитала завтракать в постели, когда у нее не было утренних репетиций).

— Доброе, миссис Хэтэуэй. — Он чуть наклонил голову. — Сегодня ожидается снег. Я распорядился, чтобы Бриггс проверил шины на «Ровере».

— Снег? В декабре? Какая неожиданность.

Уилкс позволил себе тень улыбки — настолько мимолетную, что, моргни вы в этот момент, вы бы ее пропустили.

— Именно так я и сказал Бриггсу, миссис Хэтэуэй. Он ответил, что я чертов оптимист и ушел проверять антифриз.

Экономка фыркнула. Бриггс, шестидесятипятилетний йоркширец с лицом, напоминавшим печеное яблоко и лексиконом портового грузчика, был единственным человеком в доме, кто позволял себе разговаривать с дворецким в такой манере. Они дружили. Насколько вообще могут дружить два человека, которые пятнадцать лет спорят о том, как правильно подстригать тисы.

На кухне тем временем кипела основная работа. Месье Лоран (вообще-то он был Лоуренс, но родился в Марселе, и титул «месье» прилип к нему намертво, как запах чеснока к старой разделочной доске) готовил завтрак для мистера Карлайла. Джеймс Карлайл завтракал в восемь ноль-ноль, всегда в одно и то же время, всегда одно и то же: два яйца «пашот» на тосте из цельнозернового хлеба, половина грейпфрута, черный кофе. Никаких экспериментов. Месье Лоран, в прошлом шеф-повар мишленовского ресторана в Лионе, разорившегося в кризис 2008-го, готовил эту простую еду с таким выражением лица, словно его заставили играть гаммы на «Стейнвее». Он был толстоват, лысоват и обладал взрывным темпераментом, который компенсировался только его же добродушием. Четыре года назад, когда миссис Карлайл попросила его приготовить вегетарианский ужин для гостей, он швырнул сковороду в стену, а потом извинялся три дня, прислав в спальню хозяйки корзину фиалок и собственноручно испеченный лимонный торт.

— Чертова погода, — проворчал он, разбивая яйцо над кастрюлей с кипящей водой. — В Марселе сейчас солнце. Мимоза скоро зацветет. А здесь — Он сделал неопределенный жест рукой, охватывающий все за окном: серое небо, мокрый сад, далекий силуэт крыши Кенсингтона. — Туман. Сырость. Утка и та простудится.

— Вы простудитесь, если будете стоять у открытого окна, — заметила Анна, не отрываясь от сервировки. — Закрыли бы.

— Я проветриваю! — возмутился повар. — У меня тут соус!

— Какой соус? Вы яйца варите.

— Вот именно! К яйцам нужен соус! Ты понимаешь что-нибудь в кулинарии, девочка? Или у вас в Кракове яйца едят просто так?

— У нас в Кракове их едят с майонезом, — невозмутимо ответила Анна.

Месье Лоран хотел ответить что-то едкое, но его перебила Мария, которая как раз выглянула в окно:

— О, Бриггс уже выгнал машину из гаража. Наверное, мистер Карлайл скоро спустится.

Джеймс Карлайл действительно спускался. Его шаги раздались на лестнице ровно в семь пятьдесят. Это был крупный мужчина с квадратной челюстью, песочного цвета волосами, уже тронутыми сединой на висках и взглядом человека, который привык к тому, что его приказы

исполняются еще до того, как он их озвучит. Он носил костюмы от Anderson & Sheppard, галстуки от Hermes и часы Patek Philippe. Он построил свою империю с нуля, начав с небольшой фирмы по ремонту крыш в Бирмингеме и теперь его компания выигрывала тендеры на строительство мостов, больниц и правительственных комплексов. Джеймс Карлайл был олицетворением редкого типа британского богатства, которое не кричит о себе, но при этом видно за версту.

— Доброе утро, Уилкс, — произнес он, проходя в столовую и беря со стола «Файнэншл Таймс».

— Доброе утро, сэр. Письмо с Даунинг-стрит сегодня наверху.

— Опять? — Карлайл хмыкнул, разворачивая газету. — Надеюсь, на этот раз они не будут просить меня спонсировать ремонт их чертовой канцелярии. Я не раздаю милостыню.

— Я не вскрывал, сэр. Но конверт толще обычного. Возможно, это приглашение на рождественский прием.

— Посмотрим. — Он отхлебнул кофе и поморщился. — Уилкс, передайте Лорану, что кофе сегодня горчит.

— Передам, сэр.

Дворецкий, разумеется, ничего не передал. Он знал, что кофе не горчит, а утро мистера Карлайла просто началось не с той ноги. Возможно, из-за вчерашнего телефонного разговора с министром транспорта, который Уилкс случайно услышал, проходя мимо кабинета. Фраза «срыв сроков» прозвучала трижды. Этого было достаточно, чтобы испортить настроение любому строительному магнату.

За окном, в саду, Бриггс протирает лобовое стекло «Ровера» замшевой тряпкой и ворчал себе под нос. Он ворчал всегда — это был его способ общения с миром. Даже когда он был доволен, он ворчал. Даже когда миссис Хэтэуэй угощала его своим фирменным лимонным кексом, он ворчал («слишком много сахара, Пат, ты меня в могилу загонишь»), хотя съедал три куска. Сейчас его волновал снег, который обещали синоптики. Снег в Лондоне Это катастрофа. Два сантиметра осадков и город встает в пробках, поезда опаздывают, а клиенты нервничают. А у Карлайлов сегодня был запланирован вечерний прием. Не большой. Человек на сорок, но важный: партнеры из Дубая, пара пэров, директор Национальной галереи и кто-то из «Ковент-Гардена» по линии миссис Карлайл. Бриггс должен был развезти приглашения еще вчера, но три из них вернулись с пометкой «адресат не найден» и теперь он переживал, не напутал ли чего с индексами.

В доме тем временем проснулась Тереза Карлайл. Она появилась на лестнице легкая, почти невесомая, как и подобает бывшей приме-балерине. В сорок девять лет она все еще двигалась так, словно пол под ее ногами был не наборным паркетом, а сценой «Ковент-Гардена». Хореограф — это не профессия. Это диагноз. Она видела мир в движении: ветер за окном был не просто погодой, а танцем листьев, официант, несущий поднос, — па-де-де с гравитацией, ее собственная дочь, спускающаяся по лестнице... Кстати, о дочери.

Тереза обернулась к Уилксу:

— Белль уже встала?

— Мисс Арабелла еще у себя, мадам. Горничная доложила, что она проснулась в семь и попросила чай. Сейчас, вероятно, читает.

— В семь утра? — Тереза удивленно приподняла бровь. — Что читает?

— «Грозовой перевал», мадам. В третий раз.

Миссис Карлайл вздохнула. Ее дочь была умна, начитанна и красива: длинные каштановые волосы, лазурно-голубые глаза, точеная фигура, но с некоторых пор Терезу беспокоило в ней что-то такое, чему она не могла подобрать названия. Белла не была бунтаркой. Она не была замкнутой или депрессивной. Она была... отсутствующей. Словно часть ее мыслей всегда

находилась где-то еще, за пределами этого безупречного особняка, за пределами этого сада, этого города, этой жизни.

Тереза прошла в комнату для завтраков, где уже сидел Джеймс, уткнувшись в финансовый раздел «Таймс». Она легко коснулась губами его виска и опустилась на стул напротив. Анна немедленно налила ей чай эрл грей без молока с двумя каплями лимонного сока и подвинула тарелку с тостом.

— Сегодня репетиция? — спросил Джеймс, не поднимая глаз.

— Да. Младшая группа в двенадцать, потом взрослые в три. И вечером прием. Ты не забыл?

— Я ничего не забываю. — он перевернул страницу.

— Конечно. — она улыбнулась уголком губ. — Именно поэтому ты в прошлый вторник забыл, что у нас ужин с епископом.

Джеймс поднял глаза от газеты и посмотрел на жену. Его взгляд смягчился.

— Я не забыл. Я решил, что епископ подождет. У меня были дела поважнее.

— Какие?

— Я смотрел, как ты спишь.

Тереза моргнула. Она не ожидала такого ответа. Это было так не в стиле Джеймса. Сентиментальность он обычно оставлял за дверью спальни и даже там она была дозированной, как дорогой коньяк. Она не сразу нашла что сказать. А когда нашла, момент уже прошел. Джеймс снова уткнулся в газету, допил кофе и поднялся из-за стола.

— Я уехал. Уилкс, скажите Бриггсу подавать машину.

— Уже подана, сэр.

— Отлично. И передайте Лорану, что яйца сегодня были почти идеальны. Почти.

— Передам, сэр.

Наверху, в своей комнате, Арабелла Карлайл перевернула страницу и зевнула. За окном начинался снег. Первый в этом декабре. Она этого еще не видела. Она была в Йоркшире, на вересковых пустошах, вместе с Хитклифом и Кэтрин. Реальность подождет.

Стук в дверь был тихим, почти извиняющимся. Так стучала только Мария, младшая из сестер-горничных. Анна позволяла себе два четких, деловитых удара. У Марии же выходило что-то нерешительное, словно она до последнего сомневалась, имеет ли право беспокоить.

— Мисс Арабелла? — голосок просочился сквозь дверь тоненькой струйкой. — Миссис Карлайл просит вас спуститься к завтраку.

Арабелла нехотя оторвалась от книги. За окном и правда шел снег. Первые робкие хлопья кружились над садом, цепляясь за голые ветки деревьев и мгновенно тая на каменной чаше фонтана. Она сунула ноги в мягкие балетки, валявшиеся у кровати, накинула на плечи кардиган крупной вязки (единственную вещь в ее гардеробе, которая стоила меньше трехсот фунтов), которым она дорожила больше, чем всеми платьями от Вивьен Вествуд вместе взятыми и вышла в коридор.

Малая столовая встретила ее запахом тостов и легкого разочарования. Джеймс Карлайл уже уехал, его стул сиротливо пустовал во главе стола, а на тарелке, прикрытой серебряной крышкой, лежал нетронутый грейпфрут. Тереза сидела у окна с чашкой чая и просматривала какие-то бумаги.

— Доброе утро, мам.

— Доброе, дорогая. — Тереза отложила листы и жестом указала на стул напротив. — Садись. Яйца скоро совсем остынут, а ты знаешь, как Лоран ненавидит то, что его работу недооценивают в этой семье.

Арабелла усмехнулась, усаживаясь и наливая себе чай.

— Я дочитывала главу. Хитклиф как раз собирался сбежать. Не могла же я бросить его на середине.

— Ты читаешь эту книгу в третий раз. Могла бы и бросить.

— В четвертый, если быть точной. И нет, не могла. — она взяла с тарелки тост и принялась намазывать его абрикосовым джемом, сваренным лично месье Лораном прошлым летом. — О чем ты хотела поговорить?

Тереза чуть склонила голову, разглядывая дочь с тем особым, изучающим выражением, с которым она обычно смотрела на новых учениц в балетном классе, оценивая осанку, пластику, потенциал.

— Сегодня вечером прием. Ты помнишь?

— Трудно забыть. Бриггс третий день ворчит про какие-то индексы, а Уилкс ходит с таким лицом, будто ожидает визита королевы.

— Королева, увы, не придет. — Тереза сделала глоток чая. — Но будут Эшфорды. И лорд Блэквуд с племянником. И, кажется, сын виконта Девоншира, что учится в Кембридже на факультете международных отношений.

Арабелла перестала жевать. Ее лазурно-голубые глаза сузились, как у кошки, заметившей что-то подозрительное на горизонте. Она слишком хорошо знала этот небрежный, светский, с легкой поволокой тон. Тон, которым ее мать сообщала о вещах, которые на самом деле были тщательно спланированы за несколько недель.

— И почему, — произнесла она медленно, — мне кажется, что ты сейчас скажешь что-то, что мне не понравится?

Тереза улыбнулась краешком губ. Улыбка была теплой, материнской.

— Я просто подумала, что тебе стоит расширить круг общения. Ты целыми днями сидишь с книжкой... Это прекрасно, но...

— Но? — Арабелла отодвинула тарелку. Аппетит внезапно пропал.

— Но тебе семнадцать. Через год ты окончишь школу и перед тобой откроется много возможностей. Новые люди, новые знакомства. Сын виконта, говорят, очень хорош собой. И умен. Играет в поло.

Арабелла издала короткий смешок. Поло. Разумеется. Все они играют в поло. Или в регби. Или занимаются греблей в Оксфорде. У всех безупречные манеры, правильные галстуки

и будущее, расписанное до пенсии: сначала Итон, потом Кембридж, потом место в семейном бизнесе или в Парламенте, потом выгодная женитьба и дом в Котсуолдсе.

— Мам, — она отодвинула чашку и сложила руки на столе, — ты ведь не пытаешься устроить мою личную жизнь?

— Боже упаси. — Тереза прижала ладонь к груди в жесте оскорбленной невинности. — Я просто хочу, чтобы ты не пряталась. Ты красивая, умная девушка. Ты умеешь поддерживать разговор на трех языках и цитируешь Шекспира. Почему бы тебе не показать это кому-то, кроме меня, прислуги и детей-сирот из младшей балетной группы?

— Мне нравятся дети из балетной группы. Они хотя бы не обсуждают процентные ставки и не хвастаются, чей папа купил более длинную яхту.

— Белль.

— Мам. — она посмотрела на Терезу долгим, спокойным взглядом. — Я спущусь. Я надену платье, которое ты выбрала, туфли, которые мне жмут и буду улыбаться всем этим как ты их назвала? Знатным мальчикам. Я даже поговорю с ними о погоде и об Ирландском вопросе, если потребуется. Но ты не можешь заставить меня влюбиться в кого-то из них. Это не балет. Здесь ты не хореограф.

Повисла пауза. Тереза молча смотрела на дочь. В ее глазах мелькнуло что-то, чего Арабелла не ожидала. Не раздражение. Даже не огорчение. Скорее странная, почти неуловимая тень узнавания. Словно она смотрела не на дочь, а на собственное отражение двадцатипятилетней давности. — Знаешь, — произнесла она наконец, — когда я познакомилась с твоим отцом, я тоже не хотела иметь с ним ничего общего. Он был строителем. Грубым, прямолинейным, совсем не из моего мира. Моя мать пригласила его на прием. Он тогда выиграл тендер на реконструкцию театра в Бирмингеме и я должна была быть с ним любезна. Просто любезна. Ничего больше.

— И что случилось? — спросила Арабелла, хотя она слышала эту историю десятки раз.

— Он рассмешил меня. — Тереза пожала плечами. — Все вокруг говорили о пустяках, а он посмотрел на люстру в фойе и сказал: «Если бы я строил этот театр, я бы повесил ее на полметра левее. Иначе балка не выдержит». И оказался прав. Через три года люстра рухнула. К счастью, не во время спектакля.

Арабелла улыбнулась. Она любила эту историю. Но сейчас она слышала в ней другой подтекст.

— Ты хочешь сказать, что я могу встретить своего будущего мужа сегодня вечером?

— Я хочу сказать, — Тереза встала и легко коснулась плеча дочери, проходя мимо, — что жизнь удивительнее любого балета. И иногда партия, которая кажется тебе скучной, обогатывается чем-то совсем иным. А теперь доедай тост. У меня репетиция, так что я должна уехать. Буду только к вечеру.

Она вышла из столовой, оставив Арабеллу наедине с остывающим чаем и странным, тревожным чувством. Снег за окном усилился. Он валил до самого полудня, а потом внезапно перестал, будто кто-то там, наверху, захлопнул люк. Оставил после себя аккуратный белый слой в два пальца, припорошивший тисы и карнизы.

К двум часам дня дом гудел, как растревоженный улей перед роением. Миссис Хэтэуэй курсировала между этажами со скоростью гоночного болида, раздавая указания направо и налево. В парадной гостиной уже расставили дополнительные столики для канапе, проверили электрические подсвечники, а Уилкс лично проинспектировал каждую рюмку на предмет разводов от воды. Месье Лоран оккупировал верхнюю кухню и прилегающую к ней буфетную. Оттуда доносились звуки: что-то взбивали, что-то обжаривали во фритюре, что-то с пылом и страстью толкли в ступке. Один раз грохнуло так, что Анна, убиравшая в библиотеке, подпрыгнула на месте.

— Ничего страшного, — прокомментировала миссис Хэтэуэй, не отрываясь от списка гостей. — Лоран просто уронил противень с профитролями. Будет еще как минимум два раза.

Бриггс, который зашел в дом через черный ход, чтобы забрать термос с чаем, пробурчал:

— Лучше б он уронил свои улитки. Терпеть их не могу. Скользкая гадость.

— На сегодня улиток не будет, — сухо ответила экономка. — У нас не французский ресторан, а приличный английский дом.

— Вот и славно. — Бриггс водрузил на нос запотевшие очки и удалился обратно в гараж, где ему предстояло до блеска надраить автомобиль на случай, если кого-то из гостей придется встречать у ворот или отвозить домой.

Арабелла тем временем сидела у себя в комнате и рассматривала платье, которое для нее приготовила горничная. Платье висело на дверце гардероба, как гость, которого не звали, но который все равно пришел. Темно-синее, из тяжелого шелка, с открытыми плечами и юбкой. Красивое. Бесспорно.

Она уже приняла ванну, высушила волосы и теперь сидела перед зеркалом в шелковом халате, лениво перебирая украшения в шкатулке. Жемчуг? Слишком по-бабушкински. Бриллианты? К такому платью? Перебор. В итоге она остановилась на простых серебряных серьгах, которые подарил отец на шестнадцатилетие, которые ничего особенного из себя не представляли, но хотя бы не оттягивали мочки ушей.

Снизу донесся знакомый звук открывающейся входной двери и приглушенный голос Уилкса:

— Добрый вечер, сэр. Миссис Карлайл еще не вернулась. Прикажете подать аперитив?

— Позже, Уилкс. Сначала душ.

Джеймс. Вернулся раньше обычного, значит, совещание с подрядчиками прошло либо очень хорошо, либо очень плохо. По звуку его шагов Арабелла определила, что, скорее, первое. Она вздохнула, встала и принялась натягивать платье. Молния на спине заела ровно посередине. В том самом месте, до которого невозможно дотянуться самой, как ни выворачивай руки. Пришлось вызывать Марию.

Горничная явилась через минуту, раскрасневшаяся от беготни, но довольная: ей нравилась предпраздничная суета.

— Ой, мисс, какое красивое! — выдохнула она, ловко справляясь с молнией. — Вам очень идет. Прямо как

— Как манекен в каком-нибудь бутике? — подсказала Арабелла с кривой усмешкой.

Мария смутилась.

— Я хотела сказать как принцесса.

— Это одно и то же, Мария. Принцессы — это просто куклы, которым разрешают выходить из витрины по особым случаям.

Мария не нашлась что ответить и тихо выскользнула за дверь. Арабелла еще раз оглядела себя в зеркале. Принцесса. Ну-ну.

В половине пятого к дому подъехал черный «Бентли». Тереза вышла из машины и даже выдавший виды Бриггс, открывший ей дверцу, на секунду замер, забыв про свое обычное ворчание. Выглядела она действительно ослепительно. Серебристо-серое платье, струящееся, с глубоким декольте и длинным рукавом, расшитым мельчайшим бисером, который переливался при каждом движении, словно чешуя рыбы, сидело на ней так, будто было создано не портным, а каким-то высшим существом. Волосы, уложенные в сложную, но небрежную на вид прическу, открывали шею и подчеркивали скулы. От нее пахло чем-то цветочным и одновременно терпким. Новые духи, которые она привезла из салона.

— Бриггс, — произнесла она, заметив его ошарашенное лицо, — закройте рот.

— Виноват, мадам, — пробормотал он, приходя в себя. — Просто вы Снег на улице, а вы как весна.

— Бриггс, вы становитесь поэтом. Это все чай миссис Хэтэуэй?

Она прошелестела в дом, оставляя за собой шлейф аромата и ощущение того, что воздух в холле стал чуть более разреженным. Уилкс, стоявший у дверей с обычным своим невозмутимым видом, чуть заметно приподнял бровь.

— Добрый вечер, мадам. Мистер Карлайл уже наверху, переодевается. Мисс Арабелла также готова.

— Чудесно. Уилкс, скажите Лорану, что канapé с копченым лососем должны быть поданы не раньше семи. Если он выставит их сейчас, они заветрятся, и гости будут жевать резину.

— Я уже передал ему, мадам. Он ответил, что скорее отрубит себе руку, чем позволит лососю заветриться.

— О боже. — Тереза улыбнулась. — Надеюсь, до членовредительства не дойдет. У нас сегодня важный вечер.

Она поднялась наверх, чтобы поправить макияж перед зеркалом в спальне и столкнулась на лестнице с мужем. Джеймс как раз выходил из гардеробной, застегивая запонки с гербом Карлайлов, которые он надевал только на мероприятия с участием титулованных особ. В смокинге он выглядел внушительно и чуточку опасно. Как медведь, которого зачем-то обрядили во фрак и выпустили на сцену.

Он остановился на полпути и посмотрел на жену. Долго. Молча. Потом присвистнул. Совсем не по-светски, а так, как свистел когда-то молодой прораб на стройке, увидев что-то, что ему очень понравилось.

— Тереза, — произнес он наконец, — если этот прием затянется дольше чем на два часа, я лично выгоню всех гостей к чертовой матери.

— И по какой же причине?

— По причине того, что я хочу, чтобы моя жена принадлежала только мне, а не чужим людям, которые будут пялиться на нее весь вечер.

Тереза рассмеялась.

— Джеймс. Пора бы уже научиться делиться.

— Никогда. — он шагнул к ней, взял за руку и поцеловал запястье. — Ладно, идем. Где наша дочь? Я хочу, чтобы она тоже это увидела.

— Что «это»?

— Как ее мать выглядит так, будто ей снова двадцать пять.

— Джеймс Карлайл, ты безнадежен.

— Знаю, — ответил он, и в его голосе не было ни капли сожаления.

Арабелла спустилась в гостиную ровно в тот момент, когда родители вышли из спальни. Она замерла на последней ступеньке лестницы, увидев мать, и невольно улыбнулась.

— Вау, мам. Это платье... Оно просто создано для скандала. Папа, ты уже видел?

— Видел, — мрачно ответил Джеймс. — И уже придумываю, как отвадить от нее всех этих лордов и виконтов. Может, сказать им, что у нее заразная болезнь?

— Отлично, — кивнула Арабелла. — Тогда я тоже скажу, что у меня заразная болезнь. И мы обе останемся наверху, а ты пойдешь развлекать гостей в одиночку.

— Вот только не надо меня шантажировать, юная леди. — Джеймс погрозил ей пальцем, но глаза его смеялись. — Твоя мать права. Тебе пора выходить в свет. Ты слишком красива, чтобы прятаться.

Арабелла вздохнула. Третий раз за день ей говорят, что она красива и должна себя «показать». Если бы за каждое такое замечание платили фунт, она бы уже могла позволить себе собственную квартиру где-нибудь в Сохо и забыть про все эти приемы.

— Ладно, — сказала она, беря под руку отца. — Но у меня есть условие. Если сын виконта окажется занудой, а лорд Блэквуд начнет обсуждать охоту, я имею полное право сбежать через полчаса.

— Договорились, — кивнул Джеймс.

— Даже не надейся, — одновременно с ним произнесла Тереза.

Родители переглянулись. Джеймс пожал плечами:

— Прости, Белль. Кажется, у нас конфликт интересов. Предлагаю компромисс: час. Час ты терпишь, а потом я сам придумаю, как тебя вытащить.

— Два часа, — вмешалась Тереза. — Иначе какой смысл вообще затевать этот прием?

— Полтора, — твердо сказала Арабелла. — И не минутой больше.

— Полтора, — согласилась Тереза после паузы. — Но ты должна потанцевать хотя бы с двумя кавалерами. Тремя, если один из них окажется тем самым принцем на белом коне.

— Мам, принцев в Лондоне осталось не так много. Разве что Чарльз. Но он, кажется, занят.

Джеймс хохотнул и напряжение, которое незримо висело в воздухе с самого утра, наконец рассеялось. Они спустились в гостиную втроем. Эффектное трио: крупный, уверенный мужчина, женщина в сверкающем платье и тоненькая девушка.

Часы в холле пробили шесть. До прибытия первых гостей оставался час. За окнами медленно сгущались декабрьские сумерки и сад, укрытый снегом, казался декорацией к какой-то зимней сказке... Наверное, к «Щелкунчику». В доме пахло хвоей от еловых веток в вазах,

которые распорядился поставить дворецкий и горячим воском от настоящих декоративных свечей. .

Арабелла отошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Снег снова начинался — мелкий, почти невидимый, как сахарная пудра.

— Белль! — голос матери вырвал ее из задумчивости. — Иди сюда, я хочу поправить тебе прическу. И проверь, не жмут ли туфли. Ты же знаешь, если ты будешь хромать, лорд Блэквуд решит, что у тебя подагра.

— Лорду Блэквуду восемьдесят два, мам. Он сам еле ходит.

— Вот именно. Он единственный, кто заметит. Но заметит обязательно.

Арабелла закатила глаза, но послушно отошла от окна.

Первые гости прибыли ровно в семь. Лондонский высший свет был пунктуален, как королевский гвардеец на посту: опоздать на прием к Карлайлам считалось дурным тоном, прийти раньше — провинциальной невоспитанностью. Уилкс, который успел переодеться в идеально выглаженный парадный фрак, встречал каждого у дверей полуулыбкой.

Гостиная наполнялась постепенно, как бокал шампанского. Сначала пена светских приветствий, потом золотистая жидкость непринужденных разговоров. Дамы в платьях от Мак-куина и Эрдем, джентльмены в смокингах, сшитых на Сэвил-Роу Все они двигались с чуть замедленной грацией людей, которые никогда никуда не спешат, потому что мир и так вращается вокруг них. Воздух в гостиной стал плотным от смеси духов. Шанель 5 спорил с чем-то восточным и пряным, а сверху наслаивался аромат еды на фуршетном столе.

Лорд Блэквуд, восьмидесятидвухлетний патриарх с тростью черного дерева и лицом, напоминавшим старую кожаную перчатку, оккупировал кресло у камина и немедленно начал рассказывать кому-то из младших Эшфорд-старшая своей соседке, даме с рубиновым колье, которая, судя по отсутствующему выражению лица, уже мысленно была где-то в другом месте, — он опять про льва. В прошлый раз лев был тигром. И дело было в Индии.

— ...и тогда этот лев, представьте себе, выходит прямо на меня, а у меня в руках только винтовка и чертовски неудобные бинокль...

— О боже, — прошептала леди Эшфорд-старшая своей соседке, даме с рубиновым колье, которая, судя по отсутствующему выражению лица, уже мысленно была где-то в другом месте, — он опять про льва. В прошлый раз лев был тигром. И дело было в Индии.

— Старость, дорогая, — так же тихо ответила дама с рубинами, делая глоток шампанского. — Говорят, в следующем месяце он вообще перепутает сафари с охотой на лис в Лестершире. Будет уверять, что стрелял в жирафа.

Арабелла стояла у колонны, сжимая в руке бокал с шампанским, к которому она едва притронулась. Ей было душно. Не физически, а как-то иначе. Словно сам воздух этого вечера был слишком густым, слишком насыщенным чужими амбициями, чужим тщеславием, чужими разговорами о людях, которых нет в комнате. Она поймала обрывки фраз:

— ...вы слышали, Хэмптон-Смиты взяли на стажировку какого-то американского мальчишку? Говорят, сын их делового партнера. Совершенно невоспитанный тип...

— ...а я слышала, что он отказался. Представляете? Отказался от стажировки у Хэмптон-Смитов! Говорят, там был жуткий скандал. Кто-то кого-то послал. Прямо за обедом. Дикость какая...

Арабелла наострила уши, но продолжения не услышала. Разговор перетек в другое русло. Уже обсуждали какую-то сделку с недвижимостью в Дубае.

Она перевела взгляд на другой конец гостиной. Там, у окна, стоял высокий, статный парень с черными как смоль волосами. Он не говорил. Он слушал. Вернее, делал вид, что слушает, пока какой-то пожилой джентльмен с бакенбардами что-то втолковывал ему, энергично жестикулируя. Но даже с другого конца зала Арабелла видела, что его глаза: темные, глубокие, с пляшущими в них озорными искрами смотрят куда-то сквозь собеседника. Словно он был

здесь и не здесь одновременно. Словно весь этот прием был для него чем-то вроде скучного спектакля, который он смотрел из вежливости, но не собирался аплодировать.

Она поняла, что пялится. И он это понял.

Их глаза встретились. Он ухмыльнулся. Так, словно они с ней были единственными людьми в этой комнате, кто понимал, насколько все происходящее абсурдно. И эта ухмылка была настолько откровенной, настолько лишенной светской притворности, что Арабелла на секунду забыла, где находится.

— Мам, — прошептала она, отыскав Терезу в толпе. Та как раз обменивалась любезностями с женой какого-то пэра. — Кто это? У окна. Черные волосы.

Тереза бросила быстрый взгляд в указанном направлении, и ее лицо на мгновение утратило светскую безмятежность.

— Ах, этот. — Она чуть поморщилась, словно речь шла о неудачном соусе, который подали к рыбе. — Это Люциан. Люциан Вейн. Прибыл с Миллерами, но, насколько я знаю, не является их прямым родственником. Говорят, его отчислили из двух университетов в Америке. Не то за драку, не то за что-то похуже. Репутация у него, скажем так, не салонная. Держись от него подальше, Белла.

— Почему? — Этот вопрос вырвался у Арабеллы раньше, чем она успела подумать.

Тереза посмотрела на дочь долгим, испытующим взглядом.

— Потому что такие мальчики, как он Это катастрофа. Ураган. Они появляются из ниоткуда, переворачивают все вверх дном и исчезают, оставляя после себя одни руины. Я таких повидала. Держись подальше, — повторила она и вернулась к разговору с незнакомой Арабелле женщиной.

Белль не двинулась с места.

Люциан Вейн. Даже имя звучало как вызов. Как строчка из какого-то романа, который матери запрещают читать дочерям. Она снова посмотрела на него. Он все еще стоял у окна, но теперь один. Пожилой джентльмен с бакенбардами куда-то исчез. Люциан вертел в пальцах бокал и свет от люстры преломлялся в гранях хрусталя, отбрасывая крошечные радуги на его смуглую кожу. Он был высок и держался с расслабленной, почти ленивой уверенностью человека, которому плевать на правила, потому что он не собирается здесь задерживаться.

Арабелла сама не заметила, как оказалась рядом. Ноги сами понесли ее через зал, лавируя между гостями, словно она была не дочерью хозяйки дома, а мотыльком, летящим на огонь.

— Вы не танцуете? — спросила она, останавливаясь в двух шагах от него.

Люциан медленно повернул голову. Его глаза оглядели ее с ног до головы. Не оценивающе. Скорее... с любопытством.

— А вы всегда начинаете разговор с незнакомцами столь прямолинейно? — его голос был низким, с хрипотцой, и в нем слышался легкий американский акцент, который он, кажется, и не пытался скрывать.

— Только с теми, кто выглядит так, будто предпочел бы оказаться где угодно, но не здесь. Он хмыкнул.

— Что ж. Справедливо. — он отпил из бокала. — Нет, я не танцую. Танцы Это ритуал. А ритуалы Это попытка придать смысл бессмысленному. Зачем кружиться по паркету, если можно просто стоять и наслаждаться шампанским?

— Шампанское здесь не самое лучшее, — заметила Арабелла. — Отец заказал «Вдову Клико», хотя я советовала «Болланже».

Люциан приподнял бровь. На этот раз в его взгляде мелькнуло нечто похожее на интерес.

— Вы разбираетесь в шампанском?

— Я разбираюсь в том, что мне нравится.

Он улыбнулся. На этот раз по-настоящему, не ухмылкой, а улыбкой, которая на секунду сделала его лицо почти мальчишеским. Но через мгновение улыбка исчезла и перед ней снова стоял циничный, дерзкий парень, о котором предупреждала мать.

— Значит, вы Арабелла Карлайл, — произнес он. — Дочь хозяев? Та самая девочка, которую сегодня пытаются выдать замуж за сына виконта.

— Я не знаю, кто вам это сказал, но...

— Я умею слушать. — Он постучал пальцем по своему уху. — Полезный навык. Особенно когда вокруг столько людей, которые говорят слишком громко и думают, что их никто не слышит. Кстати, он стоит вон там, у камина. Нервничает. Видимо, наслышан о вашей красоте.

Арабелла почувствовала, как краска приливает к щекам.

— А вы, значит, Люциан Вейн. Кого отчислили из двух университетов и с позором выгнали из Америки?

— О, так вы обо мне слышали. — он ничуть не смутился. Даже не сделал вид. — Польщен. Да, из двух. Первый был скучным. Второй еще скучнее. Я решил, что образование это не для меня. По крайней мере, в том виде, в каком его подают.

— И чем же вы занимаетесь? — Арабелла скрестила руки на груди, стараясь говорить холодно, но выходило плохо.

— В данный момент пытаюсь понять, почему самая интересная девушка на этом приеме тратит время на разговор со мной, хотя ее мать наверняка уже десять раз велела держаться от меня подальше.

Он смотрел на нее в упор. Слишком прямо. Слишком дерзко. Арабелла открыла рот, чтобы ответить что-то остроумное, но слова застряли в горле. Она не привыкла к такому. Она привыкла к вежливым комплиментам, к завуалированным намекам, к светским играм, где каждое слово завернуто в три слоя целлофана. А этот парень говорил так, словно никаких правил не существовало вовсе.

— Может быть, мне просто скучно, — сказала она наконец.

— Скучно, — повторил он, пробуя слово на вкус. — Знаете, что я думаю о скуке? Это роскошь. Скучать могут только те, у кого нет настоящих проблем. Вот вы. Что у вас за проблемы? Платье не сидит? Туфли жмут? Кавалер не звонит?

— Вы ничего обо мне не знаете, — резко ответила Арабелла. Голос ее дрогнул.

— О, я знаю достаточно. — он шагнул ближе. Теперь между ними было не больше полуметра. Она чувствовала запах его одеколона. — Я знаю, что вы, как и я, терпеть не можете все это. Притворство. Фальшь. Улыбки, за которыми ничего нет. Вы стоите у колонны с таким лицом, будто вас заставили проглотить лимон. И вы правы. Это не жизнь. Это витрина. А вы в ней главный экспонат.

— Прекратите, — прошептала она.

— Почему? — он наклонился ближе, и его губы почти касались ее уха. — Потому что правда жжется? Привыкайте. Ваш уютный мирок. Это картонный домик. Одно дуновение ветра и он развалится. А ветер уже в пути.

Арабелла отшатнулась, словно от пощечины. Ее глаза горели. Никто. Никто! Никогда не разговаривал с ней так. Словно она была не дочерью Карлайлов, а случайной прохожей. Словно ее статус, ее имя, ее положение ничего не значили.

— Вы... — начала она, но голос сорвался.

— Что? — он нагло, вызывающе улыбался, словно вся эта сцена доставляла ему искреннее удовольствие. — Скажите это. Ну же. Вы же хотите. Я вижу. Вы красная, как помидор. Или вы боитесь, что мамочка увидит, как вы потекли от такого плохого парня?

И тут что-то внутри Арабеллы лопнуло. Она не думала. Она действовала. Ее правая рука метнулась вниз, пальцы рванули ремешок туфли и в следующую секунду туфля уже летела по воздуху. Прямо. Точно. В цель. Звук удара вышел глухим и каким-то неприлично громким в

наступившей вдруг тишине. Каблук врезался Люциану точно в лоб, чуть выше левой брови. Он покачнулся, но устоял. На его лице, только что сиявшем самодовольной ухмылкой, застыло выражение абсолютного, незамутненного изумления.

Он рассмеялся.

Громко, искренне, запрокинув голову. Смех прокатился по гостиной, как раскат грома, заставив всех замереть на полуслове.

Люциан перестал смеяться. Он поднял руку и потрогал ушибленный лоб. На пальцах осталась капля крови. Совсем крошечная, но достаточно заметная в свете люстры. Тереза мгновенно подбежала к дочери, обхватывая ее плечи ладонями.

— Ну что ж, мисс Карлайл, — произнес он, и его губы снова изогнулись в ухмылке. — Похоже, я был прав.

— В чем?

Люциан развернулся и медленно, не торопясь, направился к выходу, оставив вопрос Арабеллы без ответа. Гости расступались перед ним, как вода перед носом корабля. Он шел, не глядя ни на кого и только у самых дверей обернулся.

Их взгляды встретились. Доля секунды. Но этого хватило.

Дверь закрылась. В гостиной повисла звенящая, осязаемая, как натянутая до предела струна, тишина. А потом кто-то ахнул. Кажется, леди Эшфорд. Шепотки поползли по залу, как змеи по траве. Они шипели, переплетались, множились:

— Вы видели?..

— Прямо в лоб!..

— Боже мой, она же могла его убить!..

Пока Тереза все еще с румяными щеками переваривала произошедшее, Джеймс Карлайл медленной поступью подошел к валявшейся на полу туфле и поднял ее. Он смотрел на дочь с таким осуждением и яростью, что Белль опустила глаза в пол. Его лицо, покрасневшее от злости, цветом напоминало лежащего на серебряном блюде, среди остальных закусок, омара с сырной начинкой. Он ничего не сказал, лишь кивнул дворецкому. Тот подлетел к Арабелле, подхватив ее под локоть и немедленно вывел из бальной залы, скрывая от глаз любопытных гостей и наверняка уж чересчур острых языков, прерывая все зарождающиеся сплетни.

Глава 3. Просто фамилия

Декабрь в Нью-Йорке — это отдельный вид безумия. Город, который никогда не спит, в преддверии Рождества начинает страдать коллективной бессонницей, переходящей в лихорадочный, почти истерический блеск. Ледяной ветер с Гудзона больше не пахнет разогретым асфальтом и уличной едой. Он кусается. Хлещет по щекам колючей ледяной крупой и забивается под шарфы. Но ньюйоркцам плевать. Они натягивают шапки по самые брови, заматываются в кашемир и шерсть, высыпаясь на улицы, потому что декабрь — это не месяц. Это состояние. Это когда воздух пахнет жженым сахаром от тележек с каштанами, хвоей от елочных базаров, развернувшихся на каждом углу и чем-то пряным, с ароматом корицы, что ветер тащит из открывающихся дверей кофеен и пекарен. Гирлянды оплетают фонарные столбы, словно светящийся плющ. Витрины на Пятой авеню сходят с ума в соревновании «кто дороже и ослепительнее». Самая густая, самая липкая, самая коммерческая магия, какую только можно вообразить! При этом самая настоящая. Потому что даже самый циничный житель этого города, тот, что пьет утренний кофе с видом человека, который уже все повидал и ничему не верит, нет-нет да и замедлит шаг у какой-нибудь особенно наглой инсталляции с двигающимися оленями, почувствовав что-то отдаленно похожее на... ну, может, не радость. Но что-то особенное.

Пентхаус Дрейков встретил декабрь во всеоружии.

Если летом эта квартира была царством прохлады, мрамора, стекла и кондиционированного воздуха с ароматом цитрусовых свечей, то к Рождеству она преобразилась. Марта расстаралась. Она уже давно выучила негласное правило: украшать дом нужно так, чтобы это выглядело: «дорого, но не вульгарно», «празднично, но не как в торговом центре», и Самое трудное «Так, чтобы мистер Дрейк не скривился».

Последнее было почти невыполнимой задачей, потому что Джулиан Дрейк кривился на всё, что не являлось искусством, одобренным лично им. Но Марта знала подход.

Вместо крикливых красно-зеленых гирлянд из супермаркета она заказала в скандинавском дизайн-агентстве композиции из эвкалипта, белых амариллисов и веток голубики, припорошенных искусственным инеем. Они свисали с каминной полки, обрамляли огромное зеркало в холле и оплетали перила лестницы, спускаясь каскадом серебристо-зеленых листьев. В гостиной, прямо напротив картины Поллока, высилась ель. Настоящая, доставленная из Вермонта, высотой под три метра, источавшая густой, смолистый запах. Игрушки на ней висели исключительно стеклянные. Ручной работы, привезенные Джулианом из какой-то галереи в Мюнхене: серебряные шары, миниатюрные скрипичные ключи, крошечные копии знаменитых скульптур: торс Венеры Милосской, голова Нефертити, Дискобол. Никаких снеговиков и Санта-Клаусов.

Марта поправила одну из веток, отступила на шаг, прищурилась и осталась недовольна. Чуть-чуть. На верхушке, там, где должна была быть звезда, пока что сиротливо торчал голый штырек. Звезду еще не доставили. Это была не простая звезда. Это была работа какого-то современного венецианского стеклодува, которого Джулиан лично выбрал из каталога. Ее везли из Италии уже третью неделю и она, по заверениям секретарши старшего Дрейка, должна была прибыть сегодня, не позже полудня. Марта взглянула на часы. Полдень через десять минут. Она вздохнула и отправилась на кухню проверять, как там дела у приходящего повара.

Повар был новенький. Звали его Патрик. Он был французом лишь на четверть, но эту четверть он эксплуатировал с безжалостностью, достойной потомственного ресторатора из Лиона. Его наняли специально для рождественского периода, чтобы разгрузить основного шефа, который уехал к семье в Вермонт для празднования Рождества. Марта относилась к нему с настороженностью. У Патрика была привычка напевать оперные арии, пока он разделывал утку и эта привычка действовала ей на нервы. Благо, готовил он превосходно, этого не отнять. Сейчас он колдовал над закусками для сегодняшнего вечера: крошечные тарталетки с копченым лососем и кремом из хрена, канапе с паштетом из инжира и прошутто, миниатюрные профитроли с сыром рокфор. Все это должно было отправиться не на семейный ужин, а в галерею. На благотворительный рождественский аукцион, который Джулиан устраивал каждый год в середине декабря.

— Марта, дорогая, — начал Патрик, не оборачиваясь, но каким-то образом почувствовав ее присутствие. — Попробуйте мусс. Мне кажется, я переложил мускатного ореха.

Марта взяла с подноса крошечную серебряную ложечку, зачерпнула мусс, попробовала и прикрыла глаза. Божественно. Но она не собиралась говорить ему об этом. Он и так был слишком самоуверен.

— Сойдет, — сухо сказала она. — Но мистер Дрейк не любит мускатный орех. Уберите его в следующий раз.

Патрик прижал руку к груди, всем своим видом изображая смертельную обиду. Марта покинула кухню прежде, чем он успел разразиться монологом о том, что ее вкусовые рецепторы загублены американским фастфудом. У нее не было времени на театральные сцены. Сегодняшний вечер требовал подготовки.

Наверху было тихо. Подозрительно тихо. Элеонора уехала еще утром. То ли в спа-салон, то ли на благотворительную встречу какого-то дамского клуба. Джулиан с восьми утра был

в галерее, лично контролируя развеску картин для аукциона и сверяя список гостей. Арес... Марта остановилась у двери в его комнату и прислушалась. Тишина. Она постучала. Никто не ответил. Она чуть приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Комната была пуста. Кровать заправлена, что само по себе было событием, обычно он оставлял ее в состоянии, напоминавшем поле боя. На стуле, на почетном месте, сиротливо лежал баскетбольный мяч. Марта прикрыла дверь и пошла дальше. Она не знала, куда ушел Арес. Может, на пробежку, может, в спортзал, может, бродить по городу, но это было не ее дело.

В гостиной, под елкой, уже лежали подарки. Это были несколько коробок в плотной матовой бумаге от Тиффани, перевязанных белыми лентами. Элеонора умела упаковывать подарки так, что их жалко было открывать. В воздухе пахло хвоей, воском зажженных свечей и чем-то печеным, что доносилось из кухни. Марта в последний раз окинула гостиную взглядом. Почти идеально. Не хватало только этой чертовой звезды. И еще Ощущения мира. Настоящего мира. Не того, нарисованного, который свисал с веток в виде серебряных шаров, а того, который должен был воцариться в этой семье после бурного лета.

Она помнила тот обед. Помнила, как дрожали руки у миссис Дрейк, как Беатрис Хэмптон-Смит нервно теребила свое жемчужное ожерелье, а Малькольм пыхтел и отдувался, пытаясь сделать вид, что ничего не произошло. Она помнила, как мистер Дрейк-младший сказал «пошел ты» своему отцу и как это слово повисло в воздухе, словно дым от выстрела. А потом были недели тишины. Тяжелой, ледяной, почти невыносимой. В доме не разговаривали. Обменивались записками через нее, через Марту. «Передайте папе, что нужно заплатить за ту благотворительную вечеринку». «Передайте Аресу, что его присутствие на ужине обязательно». Она носила эти записки туда-сюда, как курьер в зоне боевых действий и все мечтала о том, чтобы это наконец закончилось.

И это почти закончилось. Не сразу. Где-то к концу сентября лед начал таять. Сначала Джулиан перестал хмуриться при упоминании имени сына. Потом Арес перестал демонстративно хлопать дверью, когда отец находился в гостиной. В октябре они впервые за несколько месяцев поужинали втроем и Марта, убиравшая тарелки, заметила, что Элеонора улыбалась. Не натянутой, светской улыбкой, а настоящей. В ноябре Джулиан даже появился на одном из матчей Ареса, просидел всю игру с каменным лицом и ни разу не прокомментировал увиденное, но сам факт его присутствия был сродни оливковой ветви победителю. Все-таки какие-то волшебные слова Элеоноры действовали на его голову?

К декабрю слово «Лондон» и вовсе исчезло из домашнего лексикона. Никто не упоминал Хэмптон-Смитов, никто не говорил о стажировке, об искусстве, о будущем, которое Джулиан так тщательно спланировал для сына. Словно тот субботний обед был дурным сном, который все по молчаливому согласию забыли. Марта знала, что это ненадолго. Перемирие было хрупким, как и игрушки на елке. Одно неловкое движение и оно разобьется. Но пока все молчали. И в этом молчании был своего рода покой.

Часы в холле пробили полдень. Приехала Элеонора. Она вошла в гостиную с мороза, раскрасневшаяся, пахнувшая зимой и духами, сразу заметила пустую макушку ели.

— Еще не доставили? — спросила она, стягивая перчатки и бросая их на консольный столик у входа.

— С минуты на минуту, мадам, — отозвалась Марта.

— Конечно. — Элеонора усмехнулась и подошла к елке, поправила одну из веток, с которой на пол слетела горстка искусственного инея. — Знаешь, Марта, в детстве у нас дома была звезда из папье-маше. Ее сделала моя младшая сестра еще в школе. Она была кривая, вся в блестках и с одного боку у нее облезла краска. Но отец каждый год ставил ее на верхушку и говорил, что лучше нее на свете ничего нет.

Марта не нашлась, что ответить. Элеонора редко говорила о своем детстве. Она вообще редко говорила о чем-то, что было до Джулиана.

— Я сегодня видела в городе уличного музыканта, — продолжила Элеонора, отходя от елки и опускаясь в кресло. — Он играл «Тихую ночь» на саксофоне. Знаешь, так фальшиво, так пронзительно, что у меня слезы навернулись. Рождество Это странный праздник, правда? Вроде бы все вокруг кричит о мире и любви, а на деле...

Она не договорила. Марта понимала без слов. Потому что любовь, о которой писали в рождественских открытках, была не той любовью, что остывала в тарелках за семейными обедами. И это противоречие Между витринным блеском праздника и тихой, застарелой болью, что пряталась под этим блеском, как трещина под слоем позолоты, было, пожалуй, самой честной рождественской декорацией в этом доме.

Зазвонил телефон. Марта сняла трубку. Это был консьерж из лобби.

— К вам прибыл курьер, — доложил он.

— Слава богу, — выдохнула Марта.

Через пять минут звезда была водружена на верхушку. Венецианское стекло заиграло в свете люстры, отбрасывая на стены крошечные радужные блики. Элеонора посмотрела на нее и кивнула. Марта не смогла понять, что означал этот кивок. Одобрение, удовлетворение или что-то другое?

А через полчаса зазвонил телефон снова. На этот раз звонила секретарша Джулиана из галереи. Все готово. Аукцион начнется в семь. Персонал проинструктирован. Список гостей окончательно утвержден. Мистер Дрейк просил передать, что будет ждать семью к шести тридцати. Марта положила трубку и посмотрела на часы. До выезда оставалось четыре часа, а за окнами шел снег. Густой, декабрьский, обещающий, что это Рождество запомнится надолго.

Смех ворвался в холл раньше, чем те, кто его издавал. Дверь распахнулась, впуская облако морозного пара и двоих подростков, раскрасневшихся, запыхавшихся, в снегу. Арес в расстегнутом пальто, накинутом прямо на толстовку, и девушка Он тащил ее за руку, а она упиралась, хохотала, пытаясь высвободиться. Щеки у нее горели, светлые волосы выбились из-под шапки и прилипли к вискам, а в голубых глазах плясали чертики, которые, честно говоря, не вязались с ее ангельской внешностью.

— Пусти, Дрейк, я сказала, пусти! — она шлепнула его по плечу свободной рукой, но беззлобно.

— Не-а. Ты проиграла. Уговор есть уговор. — он захлопнул дверь ногой и наконец отпустил ее ладонь.

— Я не проиграла! Ты жульничал! Ты толкнул меня на том повороте!

— Я не толкал. Я сама поскользнулась! Ты сама виновата, Престон.

— Это жульничество, Дрейк! — Кейт стянула шапку и тряхнула головой. Светлые пряди рассыпались по плечам. — И вообще... — она осеклась, заметив, что они не одни.

Элеонора стояла в дверях гостиной, скрестив руки на груди и слегка приподняв бровь.

— Ой. — Кейт мгновенно выпрямилась и попыталась принять вид воспитанной юной леди. Получилось не очень. Снег на воротнике и съехавший набок шарф портили впечатление. — Здравствуйте, миссис Дрейк.

— Здравствуй, Кэтрин. — Элеонора перевела взгляд на сына. — Я так понимаю, прогулка удалась?

— Мы бегали наперегонки от Пятой авеню до дома, — сообщил Арес, стаскивая пальто. — Она утверждает, что я жульничал.

— Потому что это правда! — возмутилась Кейт. — Он меня толкнул!

— Она сама виновата, что надела такую обувь! Мам, скажи ей.

— Я не арбитр. — Элеонора подняла руки в жесте капитуляции. — Разбейтесь сами. Но если вы собираетесь стоять в мокрой одежде и спорить, то хотя бы делайте это ближе к камину. Кейт, дорогая, давай пальто, Марта его повесит.

Марта возникла из ниоткуда и деликатно приняла у Кейт пальто. Та поблагодарила ее тихим, почти застенчивым голосом и принялась расшнуровывать ботинки. Арес свои просто сбросил, даже не развязывая, и тут же получил от матери выразительный взгляд.

— Что? — он пожал плечами. — Я спешу.

— Ты всегда спешишь. Подними обувь и поставь в сушилку. Ты не в раздевалке спорт-зала.

Он подавил вздох, но подчинился. Кейт, наблюдавшая эту сцену, тихо фыркнула.

— Что, Престон, смешно? — он подхватил ботинки и направился к гардеробной. — Вот выйдешь за меня замуж, будешь так же пилить.

— Во-первых, — Кейт выпрямилась, уперев руки в бока, — я за тебя не выйду. А во-вторых, пилить тебя Это не привилегия жены, а гражданский долг любого, кто с тобой знаком больше пяти минут.

Элеонора рассмеялась. Не светским, дежурным смехом, а искренне, запрокинув голову. Арес, уже скрывшийся в гардеробной, что-то неразборчиво пробурчал оттуда, но явно не комплимент.

— Кейт, ты останешься на чай? — спросила Элеонора, когда Марта унесла пальто. — Патрик испек какие-то невероятные имбирные пряники.

— Я бы с радостью, миссис Дрейк, но меня ждут дома. Мама хотела, чтобы я помогла с украшением елки. — Она замялась. — Но спасибо вам.

— В другой раз, — кивнула Элеонора. — Арес, ты проводишь Кейт?

— А мы еще не договорили! — возмутился он, появляясь из гардеробной уже без пальто, в одной толстовке.

— Завтра. — Кейт натянула шапку, уже сухую. — Завтра поговорим.

И, не дожидаясь ответа, повернулась к Элеоноре.

— До свидания, миссис Дрейк. Спасибо за гостеприимство.

— До свидания, дорогая. Осторожнее там, на улице скользко.

Кейт кивнула, послала Аресу последнюю, полную превосходства улыбку и выскользнула за дверь. В холле повисла тишина, нарушаемая только потрескиванием дров в камине да отдаленным пением Патрика. Арес стоял, глядя на закрытую дверь.

— Она тебе нравится, — произнесла Элеонора. Это был не вопрос.

— Мам. — он закатил глаза.

— Что? Я просто констатирую факт.

— Ты констатируешь факт с таким тоном, будто уже заказала свадебный торт.

— Ничего я не заказывала. — она прошла обратно в гостиную и опустилась в кресло у камина. — Но ты не ответил.

Он помедлил, потом прошел за ней и сел на подлокотник дивана.

— Она... другая, — сказал он наконец.

— Другая Это хорошо или плохо?

— Просто другая. — он запустил пальцы в волосы. — Она не такая, как все эти... ну, ты понимаешь. Девчонки из школы. Она не пытается казаться кем-то. Может сидеть в парке с альбомом и ничего вокруг не замечать. А потом показать тебе набросок и ты видишь не просто линию на бумаге, а... не знаю, как объяснить. Она видит то, чего другие не видят.

Элеонора молча слушала. В камине треснуло полено, и сноп искр взметнулся вверх.

— Отец ее заметил на школьной выставке, — продолжал Арес. — Подошел ко мне и сказал: «В этой девчонке есть искра». Ты знаешь, как редко он так говорит. Обычно он всех критикует. А тут... Он был впечатлен...

— Я помню, — тихо сказала Элеонора.

— Это было странно. Я сначала не понял, зачем он это делает. Но потом... — Он замолчал.

— Потом?

— Потом я понял, что ему просто... понравилось, что мы вместе. Я не знаю, почему. Может, он думает, что она на меня как-то повлияет. Что через нее я заинтересуюсь искусством. Или... — Он пожал плечами. — Я не знаю.

— Может, он просто хочет, чтобы ты был счастлив.

Арес фыркнул.

— С каких пор?

— Он твой отец. — Элеонора подалась вперед и положила ладонь на его руку. — И как бы он ни выражал свои чувства, он хочет, чтобы ты был счастлив. По-своему. Иногда очень... своеобразно. Но хочет.

В комнате снова повисла тишина. За окном медленно кружился снег, оседая на карнизах и подоконниках. Арес смотрел на огонь. Его лицо, подсвеченное оранжевыми бликами, было задумчивым и каким-то непривычно взрослым.

Арес встал.

— Ладно, пойду собираться. Во сколько выезжаем?

— В шесть. Но учти, отец хочет, чтобы мы были в галерее к половине седьмого.

— Успею.

Он вышел, а она осталась сидеть у камина, глядя на огонь и думая о том, как странно устроена жизнь.

Через полчаса она поднялась наверх, чтобы переодеться к вечеру. Из комнаты Ареса доносился шум воды. Она улыбнулась и закрыла дверь в свою гардеробную. Сегодняшний вечер требовал особого наряда. Благотворительный аукцион в галерее Дрейков был не просто светским мероприятием. Это была сцена. Витрина. Место, где Джулиан Дрейк ежегодно демонстрировал миру, кто он такой и чего стоит его империя. И она, как жена, должна была соответствовать. Черное платье от Живанши, длинное, с открытой спиной и минимум украшений. Жемчужные серьги, что Джулиан подарил ей в год их помолвки. Волосы она убрала

в низкий пучок, открыв шею. Последний штрих — духи. Цветочные, с терпкой нотой, которые он любил. — Готова, — сказала она своему отражению. Отражение посмотрело на нее серьезно, почти строго, словно хотело что-то предупредить. Но она не стала слушать. В конце концов, сегодня Рождество.

Вечерний Нью-Йорк дышал морозом и бензиновой гарью. Майбах, нанятый через агентство, мягко притерся к тротуару у стеклянной башни «Drake Contemporary». Галерея гудела, как трансформаторная будка. Золотые лучи прожекторов шарили по фасаду, выхватывая из темноты гигантские афиши с надписью: «The Drake Christmas Charity Auction». У входа, вдоль красной дорожки, уже толпились репортеры. Вспышки камер рвали вечерний сумрак на клочки. Где-то в хвосте пробки, на Пятой авеню, надрывался клаксон — и этот звук, резкий, возмущенный, вплетался в общий гул, словно крик чайки в симфонию.

— Приехали, миссис Дрейк, — объявил водитель.

Элеонора поправила серьгу и повернулась к сыну. Арес сидел, вжавшись спиной в кожаное кресло и смотрел в окно. Желваки на скулах ходили ходуном.

— Ты готов? — спросила она.

— Ага.

— Уверен?

Он перевел взгляд на нее. Маска на лице дрогнула, приоткрыв на секунду что-то совсем мальчишеское, почти растерянное.

— Чувствую себя... не в своей тарелке, — буркнул он. — Все эти люди. Весь этот блеск.

— Это всего на один вечер, — мягко сказала она. — Потерпи. Ради отца.

— Ради отца — эхом повторил он без особого энтузиазма, считая, что тот имеет слишком много уж чести.

— Галстук, — скомандовала она, протягивая руку. — Дай сюда.

— Я сам.

— Ты сам его уже полчаса назад завязал. Криво. Давай.

Она распустила узел и принялась затягивать его заново своими прохладными пальцами.

— Мам, — тихо позвал Арес, вспомнив про то, как еще вчера Джулиан говорил о том, что на этой вечеринке будут присутствовать все важные персоны его совета директоров и не только. Он это делал в обыденной манере, рассуждая о жизни своего финансового директора, но юному Дрейку этого было достаточно, чтобы понять какой именно этот будет вечер и что от него будут желать все эти люди.

— М?

— Отец им не говорил, да? Ну, совету... Про меня. Про то, что я не горю желанием всем этим заниматься?

— Не говорил, — спокойно ответила она, затягивая узел и расправляя воротник. — И не скажет. Ты же знаешь Джулиана. Для него имидж Это все. Наследник империи, подающий надежды... — она чуть усмехнулась. — А о том, что надежды эти лежат совсем в другой плоскости, совету знать не обязательно.

— Лицемерие.

— Дипломатия, — поправила она. — Ты поймешь разницу, когда станешь постарше.

— Я не хочу понимать.

— А придется. — она убрала руки и оглядела его. — Сегодня ты на сцене. И роль у тебя простая: стой, улыбайся, жми руки. Импровизация не требуется. Справишься?

— Куда я денусь.

— Вот и славно.

Водитель открыл дверь. В салон ворвались гул голосов, окрики репортеров, чей-то смех, обрывок музыки, доносившейся из открытых дверей галереи. Элеонора вышла первой. Вспышки защелкали чаще. Арес вылез следом и тут же прищурился от яркого света. Он маши-

нально одернул манжеты, поправил запонки и только потом понял, что повторяет отцовский жест. Черт. Заразительно.

У входа их встретила девушка с планшетом. Темные волосы собраны в тугий пучок, очки в тонкой оправе, платье-футляр, которое сидело на ней так безупречно, словно было второй кожей.

— Миссис Дрейк. Мистер Дрейк. — она улыбнулась короткой профессиональной улыбкой. — Меня зовут Хлоя, я ассистентка мистера Дрейка. Прошу за мной, я провожу вас в главный зал.

— Там уже кто-то из совета? — спросила Элеонора, поправляя клатч.

— Все.

Хлоя позволила себе сдержанный смешок и пошла вперед, указывая дорогу.

Главный зал галереи вблизи подавлял. Он был спроектирован так, чтобы человек, входящий сюда, чувствовал себя песчинкой, занесенной ветром в собор. Потолки тонули в искусственном полумраке, подсвеченные узкими полосами диодов, которые тянулись вдоль стен, словно светящиеся артерии. Сцена в дальнем конце зала сияла, как алтарь. Огромный экран транслировал вращающийся логотип в виде стилизованной буквы «D», вписанную в круг.

У подножия сцены стояли люди. Совет директоров «Drake Contemporary». Арес замедлил шаг и бросил взгляд на мать. Та чуть заметно кивнула. Мол, все в порядке, иди. И он пошел.

Фрэнк Донахью заметил их первым. Финансовому директору было шестьдесят два. Лысый, коренастый. Иногда казалось, что он пересчитывает деньги даже во сне. Он носил очки в тяжелой оправе и костюм, сшитый еще в середине двухтысячных. И делал это не из скупости, а из принципа. Фрэнк работал с Джулианом семнадцать лет. Он знал каждый цент, входящий и исходящий, помнил наизусть бюджеты филиалов и мог с ходу сказать, сколько галерея заработала на прошлогоднем аукционе, с точностью до доллара. Ареса он знал с пеленок и относился к нему со старомодной теплотой, которую бездетные дяди и тети испытывают к детям своих друзей и знакомых.

— Арес! — он шагнул навстречу и стиснул его ладонь в своей сухой, крепкой ладони. — Ну наконец-то. А я уж думал, ты решил улизнуть от этой ежегодной каторги.

— Куда ж я денусь, мистер Донахью? — ответил Арес с вежливой улыбкой.

— Фрэнк, — поправил он. — Сколько раз повторять? Не «мистер Донахью», а Фрэнк. «Мистер Донахью» это мой отец, упокой Господь его душу, а я пока еще жив. — он подмигнул. — Ну, рассказывай. Как школа? Как успехи?

Арес на секунду замешкался. Школа. Успехи...

— Нормально, — сказал он. — Готовлюсь к экзаменам. Остался последний год.

— Последний год! Это важный год! — кивнул Фрэнк. — А после сразу в бизнес? Отец, небось, уже планы на тебя строит, а?

— Пока не знаю. Рассматриваю варианты.

— Правильно. — Фрэнк одобрительно хмыкнул. — Не спеши. Время еще есть. Но учти: твой старик без тебя эту махину не оставит. Ты его главный актив. Главный и самый ценный. Ладно, пойду я. Увидимся после аукциона.

Он отошел, а Арес выдохнул. Однако, ненадолго. Через три минуты, закончив разговор с кем-то на французском языке, к ним подошла Симона Левеск. Арт-директору было сорок три. Высокая, худая, с резкими чертами лица и гривой рыжих волос, уложенных в сложную конструкцию, напоминавшую птичье гнездо. Симона пришла в «Drake» шесть лет назад из лондонской галереи. Джулиан охотился за ней почти два года. Она была жесткой, бескомпромиссной и обладала чутьем на талант, граничащим с ясновидением. Художники ее боялись. Критики уважали. Коллекционеры доверяли ее вкусу, даже когда не понимали его.

— Арес Дрейк, — произнесла она. В ее голосе прозвучал легкий французский акцент, который она так и не смогла изжить за годы жизни в Америке. — Вырос. Опять. Ты вообще перестанешь расти когда-нибудь? Скоро будешь смотреть на своего отца сверху вниз.

— Уже смотрю, мисс Левеск.

— Симона. — она сделала жест рукой, словно отмахиваясь от формальностей. — Твой отец сказал, ты привел в дом юную художницу. Кейт, кажется? Он показывал мне ее работы.

Арес почувствовал, как внутри что-то облегченно расслабилось. Вот оно. Разговор пойдет о Кейт Слава богам.

— Да. Кейт Престон. Она очень талантлива.

— Не то слово. — Симона прищурилась. — У девочки редкое чутье на цвет. Чертовски живое! Я редко такое вижу у таких юных художников. — она полезла в карман пиджака и вытащила визитку. — Передай ей. Если захочет показать свои работы кому-то, кроме школьной комиссии, пусть звонит. Я серьезно! Такие кадры нельзя упускать к каким-нибудь конкурентам!

Арес взял визитку.

— Спасибо. Обязательно передам.

— Вот и славно. — Симона уже развернулась обратно к осветителю. — Жан-Поль! Я же сказала: теплый свет на третий мольберт, холодный на пятый. Не наоборот. Третий теплый. Повтори.

Осветитель что-то пробормотал. — Вот и не путай больше. — она бросила через плечо — Удачи, Арес.

И исчезла за кулисами, но за ней к ним стремительно подошел Маркус Вольф, директор по развитию. Ему было тридцать семь лет, квадратная челюсть, улыбка на миллион долларов и костюм, который стоил как картина на этом аукционе. Он фамильярно, но не грубо хлопнул Ареса по плечу и заговорил, не давая опомниться: — Арес Дрейк! Собственной персоной. Я смотрю, ты уже почти одного роста с отцом. Еще пара лет и будешь возвышаться над всем советом директоров. Впечатляет. Как школа? Выпускные экзамены на носу, верно? Уже решил, куда поступать? Гарвард? Йель? Колумбия? Джулиан говорил, ты подумываешь о бизнес-школе.

Арес подавил желание поморщиться. Бизнес-школа. Отец, конечно, уже всем раздал авансы.

— Рассматриваю варианты, — повторил он снова заученную фразу.

— Правильный подход. — Маркус кивнул. — Не затягивай только. Мир не ждет. Рынок современного искусства растет на пятнадцать процентов в год. Через пять лет мы планируем открыть филиал в Шанхае. Еще через три — в Дубае. К тому моменту, как ты войдешь в дело, это будет уже не просто галерея. Это будет империя. И тебе понадобятся все твои знания. Так что учись. Впитывай. Наблюдай. — он снова хлопнул его по плечу. — Ладно, мне пора. А то трансляция все время барахлит!

Он умчался, а Арес переглянулся с матерью.

— Он всегда такой... энергичный? — тихо спросил он.

— Всегда, — вздохнула Элеонора.

Кристин Норман, директор по связям с общественностью, возникла рядом словно из воздуха. Она была миниатюрной женщиной лет тридцати пяти с короткой стрижкой под мальчика. Кристин работала с прессой так, как дирижер работает с оркестром: каждый журналист знал свою партию, каждое интервью было расписано по минутам, каждая утечка информации четко запланирована. Она была единственным человеком в совете, кто мог спорить с Джулианом на равных. Не потому, что имела на это право, а потому, что знала: без нее весь этот блестящий фасад рухнет в одну минуту.

— Арес, дорогой. Ты готов к допросу?

— К какому допросу?

— Журналисты. Они будут атаковать тебя вопросами. Про будущее. Про галерею. Про то, собираешься ли ты идти по стопам отца. — она чуть сжала его пальцы. — Слушай меня внимательно. Ты лицо этой компании. Твоя фамилия на афише, твое лицо на фотографиях. Каждое твое слово завтра будет в прессе. Поэтому отвечай уклончиво. «Я рассматриваю разные возможности». «Я горжусь тем, что могу учиться у отца». «Сейчас я сосредоточен на учебе». Никаких категоричных заявлений. Никаких «нет». Ты меня понял?

— Понял.

— Повтори.

— «Я рассматриваю разные возможности».

— Хорошо. Добавь еще про учебу. И про гордость.

— «Я горжусь тем, что могу учиться у отца. Сейчас я сосредоточен на учебе».

— Идеально. — она отпустила его руки. — Будьте готовы. Всегда.

И растворилась в толпе. Арес смотрел ей вслед, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Он не был готов. Он вообще не был готов ни к чему из этого. Элеонора тронула сына за локоть.

— Все в порядке?

— Да. — Он выдохнул. — Просто... Странно. Все эти люди. Они смотрят на меня и видят кого-то, кем я не являюсь. А я...

— А ты Арес, — закончила она. — Ты мой сын и это главное. — она взяла его под руку. — Пойдем. Отец, кажется, уже начинает нервничать. Вон, машет нам от сцены.

Джулиан действительно стоял у подножия сцены и делал рукой короткий, властный жест, чтобы они подошли. Его лицо было сосредоточенным, но не раздраженным. Скорее, деловым. Когда они подошли, он быстро оглядел сына, поправил ему лацкан пиджака и сказал:

— Совет уже в курсе. Ты стоишь рядом со мной во время вступительной речи. Ничего не говори. Просто стой. Это важно.

— Почему?

— Потому что инвесторы и партнеры должны видеть преемственность. — он посмотрел Аресу прямо в глаза. — Это бизнес, Арес. Ничего личного. Просто бизнес.

Арес хотел сказать что-то резкое, но сдержался.

— Хорошо, — бросил Джулиан и повернулся к сцене, где уже заканчивали последние приготовления.

Зал постепенно заполнялся гостями. Звон бокалов, обрывки разговоров. Все сливалось в единый, гулкий аккорд. Атмосфера накалялась. Рождественский благотворительный аукцион должен был начаться с минуты на минуту. Шампанское лилось рекой. Официанты с серебряными подносами лавировали между гостями. Где-то у фуршетного стола разразился взрыв смеха. Это известный комедийный актер, чье лицо не сходило с афиш последние десять лет, рассказывал какую-то неприличную историю группе галеристов. Те слушали, раскрыв рты, забыв про канапе с икрой.

Мэр Нью-Йорка прибыл минута в минуту, как и обещал. Он вошел в зал под руку с женой. Это была стройная женщина в темно-синем бархатном платье, которая держалась на полшага позади мужа. Мэр пожимал руки направо и налево, его улыбка была отработана до автоматизма, но в глазах читалась искренняя радость. Он любил подобные мероприятия. Не из тщеславия, а потому что здесь, среди картин и чековых книжек, можно было на несколько часов забыть о муниципальных проблемах, профсоюзах и вечных дебатах в городском совете. Его супруга, напротив, выглядела так, будто мысленно находилась где-то в другом месте. На Багамах, на Мальдивах... Где угодно, лишь бы подальше от этой толпы.

Чуть поодаль стояла голливудская актриса, получившая «Оскар» два года назад за роль о забытой джазовой певице. Она была миниатюрной, с короткой стрижкой. Рядом с ней топтался

ее агент. Полный, лысеющий мужчина в очках, который то и дело вытирал лоб платком, хотя в зале было прохладно. Актриса что-то тихо говорила ему, а он просто кивал в ответ.

Были здесь и коллекционеры. Люди, чьи имена никогда не появляются в светской хронике, но чьи состояния исчисляются миллиардами. Они не любили публичности. Они приходили на аукционы, готовые в любой момент поднять табличку с номером и обрушить на зал сумму, от которой у обычной официантки в закуской, остановилось бы сердце. Один из них, пожилой мужчина в потертом твидовом пиджаке, который выглядел так, будто его целиком купили на барахолке, стоял у стены и задумчиво разглядывал гостей. Никто не обращал на него внимания. Зря. Именно он два года назад купил на аукционе Пикассо за сумму с восемью нулями и, по слухам, повесил картину у себя в ванной, потому что там было освещение куда лучше, чем в гостиной.

Где-то у барной стойки мелькнуло знакомое лицо. Известный телеведущий, чье вечернее шоу собирало аудиторию в несколько миллионов, потягивал виски и о чем-то перешептывался с молодой женщиной, которая явно не была его женой. Впрочем, это никого не волновало. На благотворительных аукционах такого масштаба личная жизнь гостей оставалась за порогом. Здесь имели значение только две вещи: деньги и искусство. И то и другое в этом зале присутствовало в избытке.

Джулиан поднялся на сцену. Свет в зале медленно погас, оставив только золотистое сияние над подиумом. Гул голосов стих. В наступившей тишине стало слышно, как где-то в задних рядах покашливает старый лорд Блэквуд, прилетевший из Лондона специально ради этого вечера, а в первом ряду тихо звякнула золотым браслетом супруга мэра.

Джулиан подошел к микрофону. Он не нуждался в карточках с текстом. Он репетировал эту речь неделями, прокручивал в голове каждую фразу, каждый жест, каждую паузу.

— Леди и джентльмены, — начал он. Его голос, низкий и хорошо поставленный, заполнил зал. — Добро пожаловать на ежегодный рождественский благотворительный аукцион «Drake Contemporary».

Он сделал паузу. Ровно на две секунды. Именно столько требовалось, чтобы публика успела проникнуться моментом.

— Когда я основал эту галерею двадцать три года назад, у меня не было ничего, кроме арендованного подвала в Челси, трех картин моего друга и уверенности, что искусство способно изменить мир. — он обвел взглядом зал. — Сегодня, глядя на этот зал, на этих людей, на эти стены, я понимаю, что был прав.

В первом ряду одобрительно закивали. Мэр поднял бокал в безмолвном тосте. Его супруга наконец перестала смотреть в потолок и заинтересованно подалась вперед.

— Но сегодняшняя вечер, — продолжал Джулиан, — не обо мне. Он о вас. О вашей щедрости. О вашей любви к искусству. И о тех, кому повезло меньше, чем нам с вами. — он сделал еще одну паузу. — Фонд поддержки молодых художников, ради которого мы здесь собрались, за последние пять лет выделил гранты более чем двумстам талантливым студентам. Некоторые из них сегодня здесь. Некоторые уже выставляются в наших галереях. А некоторые, — он чуть улыбнулся, — возможно, через десять лет будут продаваться на этом аукционе за суммы, которые мы с вами пока даже не можем вообразить.

По залу прокатился легкий смех.

— А теперь, — Джулиан повысил голос ровно настолько, чтобы завладеть вниманием тех немногих, кто еще отвлекся, — я хочу представить вам того, кто однажды займет мое место на этой сцене.

Сердце Ареса упало в пятки. Он знал, что этот момент наступит. Знал с того самого мгновения, как отец сказал: «Ты стоишь рядом со мной». Но одно дело знать и совсем другое стоять на сцене, чувствуя на себе взгляды пятисот человек.

— Мой сын. Арес Дрейк.

Прожектор метнулся к нему. Свет ударил в глаза. Он на секунду ослеп. Когда зрение вернулось, он увидел море лиц. Они смотрели на него. Все они. Мэр, его жена, голливудская звезда, телеведущий, коллекционеры, галеристы, журналисты, фотографы. Все они смотрели на него с тем особым, оценивающим любопытством, с каким разглядывают экспонат на витрине, скрытый под стеклом.

Арес не двигался. Кристин Норман, стоявшая у края сцены, выпучила глаза и беззвучно, одними губами, произнесла: «Улыбайся».

Он улыбнулся. Улыбка вышла натянутой.

Джулиан протянул руку, приглашая сына подняться. Арес поднялся. Ступени были обиты черным бархатом и пружинили под ногами. Он встал рядом с отцом, на полшага позади, как и полагалось наследнику. Джулиан положил руку ему на плечо. Жест был отеческим, теплым, почти искренним. Зал взорвался аплодисментами.

Арес смотрел в зал и уже не видел лиц из-за ярких софитов. Он видел только свет, только блеск и силуэты. Они ждали от него чего-то. Великих свершений. Продолжения династии. Новых аукционов, новых рекордов, новых миллионов.

В задних рядах кто-то поднял бокал и негромко произнес: «За будущее!»

Тост подхватили. Зазвенело стекло бокалов. Мэр что-то шепнул жене и та, наконец, улыбнулась впервые за весь вечер. Голливудская звезда перестала терроризировать агента и заинтересованно разглядывала Ареса, словно прикидывая, можно ли пригласить его сняться в каком-нибудь фильме вместе с ней.

Джулиан снова заговорил. Он объявил первый лот — работу молодой художницы из Бруклина, которая три года назад получила грант от их фонда. На экране за его спиной появилось изображение: огромное, во всю стену, полотно, написанное маслом. Абстракция. Золотые и черные мазки, переплетающиеся в яростном, почти жестоком танце.

Арес смотрел на картину и думал о том, что этот танец очень похож на его собственную жизнь. Золото. Чернота...

Торги начались. Таблички взлетали одна за другой. Суммы росли с каждой секундой. Сто тысяч. Сто пятьдесят. Двести. Телеведущий, забыв про свою спутницу, азартно вскинул руку. Старый коллекционер даже не шевельнулся. Он ждал главных лотов.

Арес стоял рядом с отцом и улыбался. Он знал, что этот вечер только начинается. И знал, что самое трудное впереди.

Первый лот ушел за двести сорок тысяч. Молодая художница из Бруклина, стоявшая в задних рядах, вцепилась в руку своего парня и беззвучно заплакала. Ее абстракцию купил актер, который, как выяснилось, коллекционировал современных американцев. Он поднял табличку с видом человека, который только что выиграл пари и заказал себе еще одну порцию виски.

Вторым лотом была скульптура. Металл и стекло, изогнутые в форме, напоминавшей то ли человеческий позвоночник, то ли ветку дерева, погибающего от засухи. Торги за нее шли вяло. Джулиан, стоявший у микрофона, чуть нахмурился. Он не любил, когда темп падал.

— Сто десять тысяч, — объявил он, и в его голосе проскользнула едва заметная нотка раздражения. — Сто десять тысяч — раз. Сто десять тысяч — два.

Тишина.

И тогда из глубины зала поднялась табличка. Сенатор в дизайнерском пиджаке, что сидел рядом со своей грузной супругой, лениво поднял руку, словно отмахиваясь от мухи.

— Сто пятьдесят, — произнес он.

Зал оживился. Кто-то присвистнул. Однако, скульптура ушла за двести тысяч к коллекционеру, который, как потом выяснилось, собирал именно этого автора уже много лет.

Джулиан объявил третий лот. Потом четвертый. Пятый. Суммы росли. Атмосфера накалялась. Голливудская актриса купила серию литографий за триста тысяч и тут же передала их в

дар музею, чем заслужила аплодисменты и одобрителный кивок мэра. Его супруга, воодушевившись примером, тоже подняла табличку. Правда, ее ставку перебили через секунду и она снова погрузилась в свое меланхоличное оцепенение.

На шестом лоте Джулиан повернулся к сыну.

— Иди сюда, — сказал он негромко, но твердо.

Арес шагнул к микрофону, чувствуя, как внутри все сжимается.

Шестым лотом была работа малоизвестного художника из Квинса. Городской пейзаж, написанный углем на крафтовой бумаге. Мрачный, резкий, с рваными линиями, которые складывались в силуэты пожарных лестниц и водосточных труб. Арес даже засмотрелся на него. Было в этой картине что-то настоящее, что напоминало ему улицы Гарлема. То, чего он не видел в абстракциях, которые так любил отец.

Торги за городской пейзаж шли бойко. Кто-то из галеристов, сидевших во втором ряду, поднял цену до восьмидесяти тысяч. Его перебил молодой человек в очках — начинающий коллекционер, как потом выяснилось, сын одного из партнеров Джулиана по бизнесу. Цена поднялась до ста десяти.

— Сто десять тысяч раз, — произнес Джулиан.

Арес стоял рядом и ждал.

— Сто десять тысяч Два.

Джулиан повернулся к сыну и протянул молоток. Тяжелый, с ручкой из черного дерева и серебряной пластиной с гравировкой названия компании. Именной молоток аукциониста, который, заказали много лет назад в Лондоне.

— Давай, — шепнул Джулиан. — Один удар. Четко и громко.

Арес взял молоток. Рукоятка была теплой от отцовской ладони. Он поднял его над подиумом и на секунду замер. Зал смотрел на него. Все эти люди, которые минуту назад аплодировали, которые покупали и продавали, которые тратили суммы, сравнимые с годовым бюджетом небольшого города. Все они смотрели на него.

— Давай, — повторил Джулиан, на этот раз чуть громче.

Арес ударил. Звук вышел глухим, недостаточно звонким. Джулиан поморщился.

— Сильнее.

Второй удар. Лучше.

Молоток звякнул о деревянную подставку и по залу прокатилось эхо.

— Сто десять тысяч! Продано! — объявил Джулиан, и зал снова взорвался аплодисментами.

Арес стоял, сжимая молоток, и чувствовал, как краска приливает к лицу. Он ненавидел это. Ненавидел то, что отец устроил этот спектакль, не спросив его. Но еще больше он ненавидел то, что где-то глубоко внутри, в самой темной и потаенной части души, ему понравилось. Понравился этот звук. Понравилась власть, решать судьбу картины одним ударом. Понравилось, что зал аплодирует. Ему. Не отцу. Ему.

Он положил молоток на подставку и отошел обратно, на свое место за спиной Джулиана. Отец бросил на него быстрый взгляд и чуть заметно кивнул.

Седьмой лот разгорелся нешуточной борьбой. Это была картина маслом. Портрет женщины в красном, написанный в стиле, который искусствоведы называли «нео-фигуративизмом», а обычные люди — «странно, но красиво». Цена взлетела с двухсот до четырехсот тысяч за считанные секунды. Торговались двое: пожилой джентльмен с моноклем, приехавший, судя по акценту, откуда-то из Шотландии и молодая женщина в черном, которая сидела в первом ряду и даже не поднимала табличку, а только едва заметно кивала аукционисту и этого было достаточно.

— Четыреста двадцать, — объявил Джулиан.

Шотландец заколебался. Его монокль блеснул в свете софитов. Он посмотрел на свою спутницу, пожилую даму в жемчугах и та едва заметно покачала головой.

— Четыреста двадцать раз. Четыреста двадцать Два.

Шотландец опустил табличку.

— Продано! — Джулиан ударил молотком сам и молодая женщина в черном наконец улыбнулась.

После седьмого лота объявили короткий перерыв. Гости потянулись к фуршетным столам, официанты снова засновали с подносами. Арес спустился со сцены и тут же был перехвачен Кристин Норман. — Отлично, — прошептала она, сжимая его локоть. — Просто отлично. Ты держался молодцом. Журналисты в восторге. Завтра твоё фото будет во всех колонках.

— Я всего лишь ударил молотком, — буркнул он.

Кристин это пропустила мимо ушей. Она отпустила его локоть и упорхнула к группе репортеров, которые уже выстроились у пресс-волла в дальнем конце атриума. Арес остался один ровно на три секунды.

А потом они налетели.

Двое. Парень с камерой на плече, здоровенный, в расстегнутом пиджаке, из-под которого виднелась футболка с логотипом какого-то новостного канала, и девушка-репортер с микрофоном, быстрая, остроглазая, с идеально уложенными волосами и улыбкой, которая говорила: «я тебя сейчас съем, но ты даже не заметишь». Она возникла перед ним, как из-под земли, и сунула микрофон почти в лицо.

— Арес Дрейк? Меня зовут Саманта Брукс, канал NY1. Поздравляю с успешным дебютом в роли аукциониста! Скажите, каково это В шестнадцать лет стоять на сцене рядом с отцом и продавать произведения искусства на сотни тысяч долларов?

Арес моргнул. Камера смотрела на него своим единственным черным глазом и где-то в глубине этого глаза горела красная лампочка. Запись. Прямой эфир? Или запись? В горле пересохло, а ладони вспотели.

— Я... — начал он и тут же осознал, что понятия не имеет, что говорить.

Но что-то щелкнуло. Где-то в затылке, глубоко, на том уровне, где живут инстинкты, а не мысли. Перед глазами вспыхнула картинка: сцена, молоток в руке, зал, замерший в ожидании. Звук удара. Глухой, а потом звонкий, окончательный звук, которым он поставил точку в судьбе картины. Странное, пьянящее, абсолютно запретное чувство накрыло его в тот момент. Чувство власти. Нет, не власти денег. Не власти имени. А власти момента. Власти над тишиной, над ожиданием, над всеми этими людьми, которые замерли и ждали, когда он опустит молоток.

Этот звук до сих пор стоял у него в ушах. Он услышал его снова. Прямо сейчас. В тишине, которая повисла между ним и репортером.

И улыбнулся. На этот раз не натянуто, не по команде Кристин. А так, словно понял что-то, чего не понимал еще минуту назад.

— Это... — он выдержал паузу и Саманта Брукс чуть подалась вперед, предвкушая ответ. — Это сложно описать. Когда ты стоишь на сцене и держишь молоток, ты не просто продаешь картину. Ты ставишь точку. И на секунду весь зал принадлежит тебе.

Репортерша приподняла бровь. Она явно не ожидала такого ответа от шестнадцатилетнего подростка.

— Звучит почти как признание в любви к аукционному делу. Значит ли это, что вы планируете пойти по стопам отца и возглавить «Drake Contemporary»?

Вот он. Тот самый вопрос, к которому его готовила Кристин. Арес вспомнил ее инструкции. Он открыл рот, чтобы произнести заученную фразу. Но вместо этого сказал: — Я планирую научиться ставить точку так, чтобы ее слышали все. Где именно Пока не решил.

Саманта Брукс моргнула. Арес сам не понял, откуда взялись эти слова. Они выскочили сами, минуя фильтры, минуя наставления Кристин, минуя все то, чему его учили последние

полгода. И, что самое странное, он не жалел о них. — Очень... дипломатично, — произнесла Саманта, явно переваривая услышанное. — Что ж, спасибо за интервью, Арес. Уверена, у тебя большое будущее.

— Спасибо, — ответил он.

Камера опустилась. Красная лампочка погасла. Репортерша что-то быстро проговорила своему оператору и они исчезли так же стремительно, как появились, оставив после себя легкий запах лака для волос и ощущение, что Арес только что сделал что-то очень правильное... Или очень глупое.

Он снова остался один. Зал вокруг него жил своей жизнью: гости возвращались на места после перерыва, официанты убирали пустые бокалы. Он понял, что улыбается. И понял, что это пугает его больше, чем все, что случилось за этот вечер.

Элеонора, закончив разговор с мэром, бросила на сына быстрый взгляд. Она видела эту сцену издалека. Арес подошел к ней, взял с подноса бокал с шампанским, сделал глоток и поморщился.

— Ты дал интервью, — произнесла она.

— Они сами налетели.

— Я видела. — Она помолчала. — Ты сказал что-то, чего не следовало?

— Не знаю. Кажется, сказал то, что думал.

Элеонора прищурилась. Она хотела спросить что-то еще, но в этот момент свет в зале снова погас и Джулиан поднялся на сцену, объявляя восьмой лот. Гости начали рассаживаться. Арес поставил бокал обратно на поднос и отошел к стене, туда, где было потемнее.

— Леди и джентльмены, — произнес он, и его голос прозвучал ниже обычного, почти интимно, словно он собирался поделиться тайной, которую доверял только этому залу и только этим людям. — Главный лот сегодняшнего вечера.

Он сделал паузу. Зал замер. Даже официанты у стен перестали двигаться.

— Последние пятнадцать лет этот человек не выставлялся. Нигде. Ни в одной галерее. Ни на одном аукционе. Он отказал нескольким аукционным домам! Он отказал мне трижды! — по залу пробежал шепоток. — Но четыре месяца назад он позвонил мне сам и сказал: Джулиан, дорогой, я готов. И когда я увидел то, что он принес... — Джулиан покачал головой, изображая человека, у которого нет слов. — Я понял, что ждал этого пятнадцать лет не зря.

Он поднял руку. Луч прожектора метнулся к задней части сцены, где двое ассистентов в белых перчатках уже катили к центру огромный стенд, накрытый черным бархатом. Размером он был с двуспальную кровать. Арес, сидевший теперь рядом с матерью в первом ряду, вытянул шею. Он понятия не имел, о ком идет речь. Отец держал главный лот в секрете даже от семьи. — Дамы и господа, — голос Джулиана звенел от с трудом сдерживаемого торжества. — Я представляю вам последнюю работу Матиаса Эйзенхардта. «Реквием по свету».

Эффект был мгновенным. Зал ахнул. Не метафорически, а вполне реально, в унисон, как будто всех этих людей одновременно ударили под дых. Пожилой коллекционер в твидовом пиджаке, который до этого даже не шевелился, резко подался вперед и вцепился в подлокотники кресла. Голливудская актриса прижала ладонь ко рту. Мэр повернулся к жене и что-то быстро зашептал ей на ухо.

Арес не знал этого имени. Для него это было что-то из разряда «великие художники, о которых говорят за ужином в ресторане». Зато он видел реакцию зала. И реакция эта была благоговейной. Как будто на сцену вынесли не картину, а мощи святого.

— Мам, — прошептал он, наклоняясь к Элеоноре, — кто такой этот Матиас?

Элеонора даже не обернулась. Она не сводила глаз со сцены.

— Матиас Эйзенхардт, — прошептала она и в ее голосе звучала тревога. — Твой отец охотился за ним пятнадцать лет. Говорят, он живет затворником где-то в Альпах. Не дает интервью. Не появляется на публике. Его последнюю картину продали в две тысячи четвертом

за тридцать два миллиона. И с тех пор тишина Если это правда он... — она покачала головой. — Это не просто лот. Это событие. Мирового масштаба.

— Тридцать два миллиона? — переспросил Арес. — За одну картину?

— Это было пятнадцать лет назад. Сейчас, скорее всего, стартовая цена будет выше.

Арес присвистнул.

На сцене ассистенты замерли по бокам от стенда. Джулиан выдержал еще одну паузу. На этот раз длинную, почти мучительную и взялся за край черного бархата.

— Я не буду говорить об этой картине, — произнес он. — О ней нельзя говорить. На нее можно только смотреть.

Он дернул ткань.

Бархат соскользнул, как вода и зал снова ахнул. На этот раз громче.

Картина была огромной. Метра три в ширину, полтора в высоту. И она была... черной. Почти. Черное полотно, на котором, если приглядеться, проступали другие цвета. Глубокий синий. Багровый. Фиолетовый, такой темный, что его можно было принять за тень черного. И в центре — свет. Единственный источник, крошечный, ослепительно белый, пробивающийся сквозь многослойную тьму, как солнце сквозь грозовые тучи. Свет падал на что-то, чего нельзя было разглядеть и это что-то тонуло во мраке, умирало, исчезало.

«Реквием по свету».

Арес смотрел на картину и чувствовал, как внутри что-то сжимается. Он не любил искусство. Но это... Это было другое. Это было похоже на крик. На последний выдох. На молитву, произнесенную в пустоту, когда уже не ждешь ответа.

— Господи, — прошептала Элеонора. — Джеймс никогда... Он даже не намекнул...

— Ты не знала? — Арес повернулся к ней.

— Он держал это в секрете. Ото всех. Даже от совета, кажется. — она нервно сглотнула. — Это безумие. Если картину продадут, это будет рекорд. Но если нет...

— Что «нет»?

— Если нет Это будет катастрофа. Для репутации. Для галереи. Для всего, что твой отец строил последние двадцать лет. Ты же понимаешь: такая картина не может не продаться дешевле покупки. Если произойдет обратное Это будет означать, что рынок... не верит, что имя Дрейка больше не гарантирует качество.

Арес перевел взгляд на отца. Джулиан стоял на сцене, в луче прожектора и смотрел в зал с непроницаемым лицом. Арес знал это выражение.

— Он нервничает, — прошептал Арес.

— Еще бы. На кону все.

Джулиан подошел к микрофону.

— Стартовая цена, — объявил он. Его голос дрогнул. Всего на секунду, на одну крошечную, почти незаметную секунду, но Арес это услышал. И Элеонора услышала. Они переглянулись. — Десять миллионов долларов.

Тишина.

Она длилась вечность. Может, три секунды. Может, пять. Может, целую жизнь.

— Десять миллионов Предложение, — раздался голос откуда-то из середины зала.

Арес обернулся. Табличку поднял молодой человек в очках, который участвовал в торгах за городской пейзаж. Он выглядел до смерти напуганным, но руку держал твердо. — Десять миллионов, — повторил Джулиан, и его голос снова был ровным, ледяным, абсолютно контролируемым. — Кто даст двенадцать?

Арес сжал подлокотники кресла. Сердце колотилось где-то в горле. Он не знал, чем закончится этот вечер, но чувствовал: то, что происходит сейчас, изменит все. И для галереи, и для отца, и, возможно, для него самого.

Тишина лопнула.

— Двенадцать миллионов, — раздался голос из первого ряда. Молодая женщина в черном, что купила портрет женщины в красном, подняла табличку с таким видом, будто заказывала утренний латте в любимой кофейне.

Джулиан даже бровью не повел. Он ждал этого. Он знал, что его главные клиенты не будут торопиться. Они дадут цене подняться, прощупают почву, посмотрят, кто еще в игре и только потом начнут настоящую войну.

— Двенадцать миллионов, — повторил он. — Кто даст пятнадцать?

— Пятнадцать, — бросил шотландец с моноклем, который до этого проиграл женщине в черном и теперь явно жаждал реванша.

— Шестнадцать, — немедленно отозвался молодой человек в очках. Его голос дрожал, но рука с табличкой взлетела вверх без колебаний.

Арес смотрел на это и чувствовал, как воздух в зале становится плотнее. Люди вокруг него дышали чаще. Кто-то нервно крутил в пальцах бокал. Кто-то шептался с соседом, прикрывая рот ладонью. Пожилой коллекционер в твидовом пиджаке по-прежнему не шевелился. Он ждал.

— Шестнадцать миллионов, — объявил Джулиан. — Семнадцать?

— Восемнадцать, — произнес кто-то из задних рядов. Арес обернулся и увидел мужчину, которого не заметил раньше. Азиат, лет сорока в безупречном сером костюме. Он сидел один, без спутников, без бокала, без телефона. Только табличка в руке. И он только что поднял цену на два миллиона, не моргнув.

— Восемнадцать миллионов, — голос Джулиана стал громче. — Кто даст двадцать?

— Двадцать, — сказала женщина в черном.

— Двадцать два, — парировал шотландец.

— Двадцать пять, — произнес азиат в сером костюме, не повышая голоса, словно называл цену на бутылку вина.

Зал зашумел. Двадцать пять миллионов. Это уже было больше, чем стартовая цена в два с половиной раза, а торги только начались. Арес почувствовал, как мать рядом с ним сжала его руку. Пальцы у нее были ледяными.

— Двадцать пять миллионов, — Джулиан уже не скрывал торжества. Его глаза блестели. — Двадцать семь?

Молодой человек в очках опустил табличку. Он выбыл. Его губы дрожали и Арес вдруг понял, что парень, скорее всего, превысил свой лимит еще на двадцати миллионах. Он наверняка играл на деньги отца.

— Двадцать семь, — сказал шотландец.

— Тридцать, — немедленно ответила женщина в черном.

Азиат в сером помолчал. Он посмотрел на картину. Потом на Джулиана. Потом снова на картину. И впервые за весь вечер на его лице за весь вечер появилась эмоция. Азарт. Жадность.

— Тридцать пять, — сказал он.

Зал ахнул. Кто-то присвистнул. Шотландец снял монокль и начал протирать его платком. Жест, который, как Арес догадался, означал капитуляцию. Женщина в черном заколебалась. Она посмотрела на азиата, потом на картину, потом на свой телефон, который сжимала в левой руке. Кто-то с другой стороны линии давал ей указания.

— Тридцать пять раз, — произнес Джулиан. — Тридцать пять два.

Женщина в черном подняла табличку.

— Тридцать семь.

Азиат в сером даже не посмотрел на нее.

— Сорок, — сказал он.

И тогда пожилой коллекционер в твидовом пиджаке, который до этого не двигался, поднял руку. Просто поднял. Без таблички. Без номера. Одним пальцем, как учитель в классе.

— Сорок три, — произнес он. Голос у него был скрипучий, старческий, но в тишине зала он прозвучал как гром.

Женщина в черном опустила табличку. Азиат в сером побледнел. Всего на секунду, но Арес это заметил. Он прищурился, глядя на старика в твидовом пиджаке, словно прикидывая, стоит ли продолжать. Потом чуть заметно покачал головой и откинулся на спинку кресла.

Тишина. На этот раз настоящая. Полная. Даже дыхание, казалось, остановилось.

— Сорок три миллиона раз, — произнес Джулиан и его голос дрогнул. На этот раз он не пытался это скрыть. — Сорок три миллиона два.

Арес смотрел на старика в твидовом пиджаке. Тот сидел с абсолютно невозмутимым видом, словно только что купил не картину за сорок три миллиона, а билет на автобус. Его руки, покрытые старческими пятнами, спокойно лежали на коленях.

И тут Арес понял. Он видел этого человека раньше. Не на аукционах. Не в светской хронике. Он видел его на фотографии в кабинете отца. Это был Виктор Лански. Тот, который купил Пикассо у Джулиана. Тот самый, который одолжил денег на открытие второй галереи в Лондоне. Тот самый, о ком Джулиан говорил с придыханием и кого называл «последним из могикан». Легенда арт-рынка. Человек, который коллекционировал шедевры так, как другие коллекционируют марки. — Сорок три миллиона Три, — произнес Джулиан, и его голос зазвенел. — Продано!

Молоток обрушился на подставку с такой силой, что микрофон на долю секунды захрипел. Зал взорвался аплодисментами. Люди вскакивали с мест. Кто-то кричал «браво». Мэр аплодировал стоя, его жена наконец проснулась и тоже хлопала, хотя, судя по ее лицу, она все еще не понимала, что именно произошло. Арес не аплодировал. Он смотрел на картину. На свет в центре. На тьму вокруг. На этот крик, застывший в масле и холсте. Сорок три миллиона долларов за право повесить этот крик у себя на стене

— Сорок три миллиона, — прошептала Элеонора. — Боже мой. Это новый рекорд. Для ныне живущего художника. Для нашей галереи в США

Она повернулась к сыну. Ее глаза сияли. Не деньгами — гордостью. Гордостью за мужа. За этот вечер. За то, что Дрейки снова доказали всему миру, кто здесь главный.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросила она, сжимая его руку.

— Понимаю, — ответил он.

И он действительно понимал. Он понимал, что сегодняшний вечер войдет в историю. Что отец выиграл. Что империя Дрейков стала еще больше. Что его собственная жизнь только что стала еще сложнее, потому что теперь, после этого аукциона, после этого рекорда, после того, как он стоял на сцене и держал молоток, теперь никто никогда не поверит, что он не хочет быть частью всего этого. Никто. Даже он сам.

Джулиан спустился со сцены. Он шел сквозь толпу, пожимая руки, принимая поздравления, улыбаясь редкой, настоящей улыбкой, которая появлялась на его лице раз в год, а может и того реже. Он прошел мимо совета директоров. Фрэнк хлопал его по плечу, Симона что-то кричала ему на ухо, перекрикивая шум зала. Маркус уже договаривался с кем-то по телефону о интервью. Проходя мимо жены и сына, он на секунду остановился. Положил руку на плечо Ареса и заглянул ему в глаза. Однако, пошел дальше, оставив Ареса стоять с открытым ртом и странным, совершенно новым чувством внутри, которое он, да и я, что уж скрывать, не могу описать.

Где-то в углу зала мистер Лански, поднялся со своего места и, опираясь на трость, направился к выходу. Никто не обращал на него внимания. Все были слишком заняты празднованием. Но Арес смотрел ему вслед и думал о том, что этот старик только что переписал историю искусства. Просто подняв руку. И никто даже не заметил как он ушел.

Через несколько часов, около полуночи, последние гости ушли, даже не попрощавшись толком. Просто растворились в декабрьской ночи, оставив после себя только скомканные сал-

фетки, пустые бокалы с отпечатками губной помады и запах денег, смешанный с дорогими французскими духами. Официанты убирали остатки банкета. На сцене рабочие сворачивали оборудование.

Совет директоров расположился полукругом в креслах первого ряда. Пять человек. Пять пар глаз, нацеленных на Ареса, как объективы камер. Фрэнк Донахью восседал в центре, расставив локти на подлокотниках и смотрел поверх очков с тем особым, неприятным прищуром, который появлялся у него всякий раз, когда речь заходила о цифрах. Симона Левеск сидела, скрестив руки на груди и закинув ногу на ногу. Как натянутая струна, готовая в любой момент зазвенеть. Маркус Вольф нервно крутил в пальцах сигару, которую ему запретили закурить еще час назад. Элеонора сидела на краю сцены, отдельно ото всех. Она смотрела на сына и молчала. Ее лицо было бледным, а пальцы сжимали край бархатной обивки так, словно она пыталась удержаться на краю пропасти.

Джулиан стоял перед советом, заложив руки за спину. Смокинг помялся. Галстук съехал набок.

— Сегодня ты хорошо держался, Арес. — начал Джулиан. — Мы все сегодня тобой очень гордимся

— Очень достойно, — кивнула Симона, не разжимая рук. — Особенно для человека, который никогда не стоял на сцене.

— Журналисты в восторге, — добавила Кристин, не поднимая глаз от блокнота. — Завтра будешь во всех колонках.

Арес молчал. Он знал, что это еще не все. Что это только предисловие.

— Но есть проблема, — произнес Фрэнк, и его голос разрезал воздух, как нож. — Давай говорить прямо, Арес. Без обиняков. Ты заканчиваешь школу. И что дальше? Какие у тебя планы?

Арес открыл было рот, но Фрэнк не дал ему сказать ни слова.

— У тебя нет планов, — отрезал он. — Ты понятия не имеешь, что делать со своей жизнью. И это нормально для обычного подростка. Но ты не обычный подросток. Ты — Дрейк.

— Фрэнк, — попытался вмешаться Джулиан, но Симона перебила его.

— Джулиан, дай ему договорить. Фрэнк прав. Мы все здесь взрослые люди и все понимаем: без образования твой сын Это пустое место. Красивая картинка для журналов, но не более. Кто доверит бизнес человеку без диплома?

— Я доверю, — спокойно сказал Джулиан.

— Ты Да. А инвесторы? А партнеры? А мы, черт возьми? — Симона подалась вперед, и ее глаза блеснули. — Мы строим империю, Джулиан. Не семейную лавку. Империю. И если твой сын хочет однажды возглавить ее, он должен доказать, что достоин. Не тебе. Не мне. А рынку.

— И прессе, — вставила Кристин, не отрываясь от блокнота. — Завтрашние заголовки будут милыми, Арес, не обольщайся. Но они начнут копать и если найдут до чего зацепиться, они сожрут тебя. И нас вместе с тобой. Я работаю с прессой пятнадцать лет и знаю, о чем говорю.

— Дело не только в прессе, — подал голос Маркус. Он перестал крутить сигару и теперь смотрел на Ареса в упор. — Дело в доверии. Мы общаемся с новыми рынками. Шанхай, Токио, Гонконг, Сингапур. Ты знаешь, что мне говорят потенциальные партнеры, когда я называю им имя твоего отца? Они спрашивают: «А кто придет после Джулиана?» И должен им ответить. Не просто назвать имя. А предъявить резюме. Образование. Стажировки. Опыт. У тебя есть что-то из этого?

Арес молчал.

— У тебя ничего нет, — ответил за него Маркус. — Пока что. Но это можно исправить.

Фрэнк снова взял слово. Он положил планшет на колени и сцепил пальцы в замок.

— Есть колледж в Лос-Анджелесе. Частный. Очень уважаемый. Не Гарвард, конечно, но ценится не меньше. Там учатся дети нефтяных магнатов, наследники киностудий, отпрыски корпоративных династий. Но есть нюанс. — он сделал паузу и обвел взглядом совет. — «Голдвин» работает по системе патронажа. Каждый студент, который туда поступает, платит сам и находит себе протекцию. Тогда он оплачивает не только свое обучение, но и обучение того, кого берет под крыло. Богатые учатся у талантливых, талантливые получают шанс. Старая как мир схема. Механизм, который создает связи. Не просто диплом, а круг общения, который останется с тобой на всю жизнь.

— И у тебя там есть знакомые? — спросил Джулиан.

— У меня там есть должники, — поправил Фрэнк. — А это куда лучше, чем знакомые. Я позвоню. Вопрос решится. Но для этого мне нужно твое согласие. — Он перевел взгляд на Ареса. — Твое, не отца.

Тишина сгустилась до звона. Арес чувствовал, как пять пар глаз сверлят его насквозь.

— Я не спрашиваю, хочешь ли ты этого, — произнес Фрэнк медленно, чеканя каждое слово. — Мне плевать, хочешь ты или нет. Я спрашиваю, понимаешь ли ты, что это необходимо? Не для меня. Не для совета. Для тебя. Потому что без этого ты никто. Просто фамилия. Просто мальчик, которому повезло родиться в правильной семье. Но везение и все эти сентиментальности заканчиваются там, где начинается бизнес.

— Фрэнк говорит дело, — резко бросила Симона. — Я видела десятки таких, как ты. Талантливых, обаятельных, с громким именем. И знаешь, где они сейчас? Нигде. Потому что одного имени мало. Нужны знания. Нужна база. Нужен этот чертов диплом, который ты сможешь бросить на стол любому, кто посмеет усомниться в твоей компетенции.

— Я добавлю, — Маркус подался вперед, уперев локти в колени. — Твой отец построил эту компанию с нуля. С нуля, Арес. Из подвала в Челси. И да, он сделал это без диплома, без связей, без ничего. Но времена изменились. Сейчас никто не будет ждать, пока ты докажешь, что чего-то стоишь. Сейчас доказательства нужны на входе. И наше предложение Это твой входной билет.

Джулиан слушал все это, стоя со скрещенными на груди руками. Его лицо было непроницаемым. Когда Джейкоб закончил, он повернулся к сыну.

— Ты слышал, что сказали эти люди. Это не враги, Арес. Они работают на меня и когда-нибудь будут работать на тебя. Но они не будут ждать вечно. И я не буду

Он сделал паузу. Все замерли.

— Я даю тебе время до конца недели. Подумай. Взвесь. Но учти: решение будет принято в любом случае. С тобой или без тебя.

Арес стоял, глядя прямо перед собой. Его лицо ничего не выражало. Он не кивнул. Не покачал головой. Не произнес ни слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.